

Н.М. Орлова, С.А. Семеновская

ТЕКСТОБРАЗУЮЩИЕ
ВОЗМОЖНОСТИ
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Часть I

Учебное пособие

2015

САРАТОВ

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Н.Г. Чернышевского
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Н.М. Орлова, С.А. Семеновская

**ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ
ВОЗМОЖНОСТИ
ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ**

ЧАСТЬ I

*Учебное пособие для студентов,
обучающихся по направлению
050100 – ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ,
профиль подготовки – «Филологическое образование»*

Саратов
2015

УДК 881.161.1
ББК 81
О 66

*Рекомендуют к размещению в Электронной библиотеке СГУ:
кафедра методики преподавания русского языка и литературы,
доктор филологических наук, профессор С.В. Андреева*

О 66 Орлова, Н.М., Семеновская, С.А. Текстоброзирующие возможности языковых единиц. Часть I: Учебное пособие. /Н.М. Орлова, С.А. Семеновская. – Саратов: [б. и.], 2015. – 60 с. – Б. ц.

Учебное пособие посвящено изучению актуальных вопросов филологического анализа художественного текста.

Часть I учебного пособия обобщает и систематизирует материал по теории и практике изучения художественно-изобразительных и текстоброзирующих возможностей лексических единиц. Особое внимание авторы пособия уделяют анализу специальной лексики в тексте.

Для студентов, обучающихся по направлению 050100 – Педагогическое образование (профиль подготовки - «Филологическое образование»).

УДК 881.161.1
ББК 81

© Орлова Н.М., Семеновская С.А., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
§ 1. Специальная лексика. Термин и терминология.....	4
§ 2. Грамматические характеристики морской терминологии.....	6
§ 3. Семантические характеристики морской терминологии.....	8
§ 4. Тематическая таксономия морской лексики в художественной речи.....	9
§ 5. Стилистические функции морской терминологии: номинативное употребление.....	14
§ 6. Употребление морской терминологии в составе сравнений.....	21
§ 7. Переносное употребление морских терминов: маринистическая метафора.....	25
§ 8. Морская лексика в контексте олицетворения.....	33
§ 9. Морская лексика в составе фразеологических оборотов.....	35
§ 10. Способы введения терминов в контекст.....	39
§ 11. Жанровые и индивидуально-авторские особенности употребления специальной лексики в художественном тексте.....	44
§ 12. Выводы и перспективы исследования.....	49
Библиография.....	58

ВВЕДЕНИЕ

Одна из главных дидактических задач современного вузовского и школьного преподавания словесности – обучение тексту и его целостному семантико-стилистическому, или филологическому, анализу.

Текст в современном понимании стал объектом лингвистического исследования сравнительно недавно, однако подходы к изучению этого универсального феномена складывались на протяжении всего XX века; в теории текста центральным понятием является текстообразование, которое обращено к закономерностям организации текста и языковым средствам этой организации.

Важнейшей разновидностью текста является художественный текст. Современные концепции выявляют основные отличия текста художественного и нехудожественного; они сводятся к тому, что в основе художественного текста лежит образное восприятие мира, достигающее своей полноты в тексте поэтическом. Организации художественного текста свойственна особая сложность и полифункциональность, в нем активно используются те аспекты и ярусы, которые в других видах речевой коммуникации остаются ненагруженными, иррелевантными, в результате чего структура художественного текста приобретает многослойность со специфическими иерархическими отношениями между слоями, что требует больших творческих усилий со стороны интерпретатора. Лингвистический анализ и направлен на постижение глубинного смысла произведения.

В кругу параметров, категорий и факторов текстообразования художественного текста важнейшую роль играют лексико-словообразовательные средства.

Овладение навыками анализа текста, постижение механизмов текстообразования и текстопорождения не только способствует глубокому освоению студентами-бакалаврами дисциплин «Филологический анализ текста», «Речеведение», «Культура речи (устной и письменной)», «Единицы языка и их функционирование», но и делает возможным формирование таких общекультурных компетенций, как культура мышления, способность понимать и продуцировать устную и письменную речь, а также ряда профессиональных компетенций, среди которых на первом месте умение создавать и редактировать тексты профессионального содержания – главное условие успешного написания выпускной квалификационной работы.

Предлагаемая часть пособия содержит необходимые теоретические сведения о роли лексики ограниченной сферы употребления в текстообразовании, и практический материал, служащий наглядной демонстрацией тематической таксономии в области лексики, ее художественно-изобразительных и текстообразующих возможностей.

§ 1. Специальная лексика. Термин и терминология

Лексическая система языка – явление неоднородное, включающее в себя ряд подсистем. Эти подсистемы могут быть выделены на разных основаниях; в частности, лексический массив современного русского языка подразделяется на общую и специальную лексику. В отличие от лексики общего употребления, специальная лексика составляет автономный сектор национального языка, тесно связанный с профессиональной деятельностью.

Особое место в специальной лексике занимает терминологическая лексика. Терминология – это системная совокупность терминов, обозначающих понятия той или иной специальной области. Системность в терминологии находится в строгом соответствии с системными связями понятий науки или профессии.

К специальной лексике относят также профессиональную лексику, нередко называемую профессиональным просторечием (жаргоном и т.п.), поэтому можно сказать, что специальная лексика – это все лексические средства, так или иначе связанные с научной и научно-профессиональной деятельностью человека. Слова и выражения профессиональной сферы употребления обычно относят к профессиональной специальной лексике, но эта группировка лексических единиц (специальная и профессиональная лексика) не имеет четких границ, поскольку профессиональные лексиконы изучены недостаточно полно; такие сферы лексической дифференциации могут квалифицироваться как проявление социального диалекта.

В нашем пособии мы рассматриваем термин, придерживаясь дефиниции, предложенной видным исследователем русской терминологии В.П. Даниленко: «Термин – это слово или словосочетание специальной сферы употребления, являющееся наименованием научного или производственно-технологического понятия и имеющее дефиницию» [Даниленко 1977: 11], – и определяем его как лексическую единицу, обладающую информативностью и выступающую в особой функции – функции номинации специального понятия определенной области профессиональной деятельности человека.

В каждом языке существует множество терминологий и терминосистем. Они классифицируются по тем областям знаний и деятельности, где используются, поэтому выделяют научно-технические терминологии и терминосистемы, включающие совокупности терминов естественных, технических и других наук, общественно-политическую терминологию и терминологии других специальных областей знаний (мореплавания, спорта, искусства, военного дела).

В работах проф. Л.И.Баранниковой и ее учеников (С.А.Массиной, М.И.Солнышкиной) используется также термин «подъязык» для обозначения соответствующих специальных подсистем (терминосистем, терминологий).

Как уже было сказано, терминологии любой области человеческого знания включают единицы основного типа – *термины*. Без них невозможно существование научных теорий и наук в целом, поскольку они – основные семиотические единицы. С их помощью фиксируются научные понятия и передаётся информация. Исследования отраслевых терминологий свидетельствуют также о том, что терминологическая и профессиональная лексика – понятия однопорядковые; они входят в одну зону информационного пространства. В лингвистике в состав специальной лексики включают профессиональную лексику, находящуюся периферии специальных подъязыков.

В отношении критериев разграничения терминов и профессионализмов существуют две точки зрения: а) таким критерием может быть диахроническая характеристика; б) критерием дифференциации служит свойственная профессионализмам ненормированность употребления (в связи с наличием эмоционально-экспрессивных коннотаций, ограниченностью употребления устной профессиональной речи, не носящей официального характера). Эта точка зрения представляется наиболее обоснованной. Усиление степени важнейшей из характеристик профессионализма – экспрессивности – переводит специальную единицу в тип профессиональных жаргонизмов. Профессионализмы – как бы «теневые» обозначения; они сопровождают официально узаконенные термины. Таким образом, в понятие *специальная лексика* включаются термины и профессионализмы. Рассматривая профессиональные языки и жаргоны с точки зрения их нормативности, Л.И. Скворцов писал: «Очень часто термин или профессиональное выражение отвергаются на основании неточного, неправильного с научной точки зрения, их употребления. При этом авторы обычно забывают о том естественном процессе живого языка, при котором терминологические по происхождению элементы переходят в более широкое употребление, становясь при этом «полутерминами», «полупрофессионализмами», или вообще порывают со своим источником, пополняя образный, экспрессивный лексический словарь общего языка» [Скворцов 1972].

Решающим в соотношении «термины и профессионализмы» представляется фактор «официальности», «узаконенности» первых и «неофициальности» («полуофициальности»), «неузаконенности» вторых. Термины и профессионализмы, имея близкую или тождественную семантическую характеристику, различаются узусом, ориентацией на сферу употребления. Сфера функционирования профессиональных языковых обозначений предопределяет наличие в структуре их семантики эмоционально-экспрессивного и образного компонента. Профессионализмы – разговорные термины, которые используются в устной речи. Функционально близки к терминам и профессионализмам также профессиональные жаргоны – неофициальные обозначения понятий, предметов специального и неспециального характера, бытующие в

разговорной речи представителей той или иной профессии. Подобно терминам, они обслуживают сферу профессиональной коммуникации.

Широкое вовлечение военных и морских терминов и профессионализмов в контексты, не связанные со специальной тематикой, – отличительная примета развития русского литературного языка 20-30-х годов XIX века. Давняя традиция включения морской лексики в художественную маринистику способствовала выработке разнообразных приемов и способов ее использования, что, в свою очередь, даёт возможность выявить наиболее характерные черты морской терминологии как образного средства на обширном материале русской прозы XIX-XX вв. Среди авторов, в чьем творчестве наиболее ярко проявился стилистический потенциал морской лексики, – А.А. Бестужев-Марлинский, А.С. Шишков, В.И. Даль, И.А. Гончаров, К.М. Станюкович, А. Грин, Б. Лавренев, С.Н. Сергеев-Ценский, А. Степанов, Л. Соболев, А. Крон, С. Колбасьев, А. Штейн, А. Малышкин, Вл. Кнехт (В.А.Петровский), П. Сажин, Евг. Марысаев, В. Пикуль, В. Конецкий. Н. Задорнов, Б. Дедюхин, Г. Халилецкий, О. Стрижак, И. Чернышов и многие другие.

Особую роль играет морская лексика в поэтической речи, где количество обращений к её образному потенциалу не поддается даже приблизительному исчислению.

Для того, чтобы иметь наиболее полное представление о художественно-изобразительных возможностях морской лексики, нам предстоит дать её многоаспектное описание с точки зрения классификационных характеристик и стилистических функций в корпусе русской маринистики.

§ 2. Грамматические характеристики морской терминологии

В кругу проблем, связанных с грамматическими особенностями слов-терминов, наиболее важными представляются вопрос о частях речи, формирующих терминологию, и вопрос о терминах-словосочетаниях.

Морская лексика, представленная в специальных морских словарях, – это в основном существительные и словосочетания на базе существительных, что связано с определенной «иерархией» в применении различных частей речи в качестве терминов: «первое место в этой иерархической лестнице, безусловно, занимает имя существительное» [Даниленко 1977: 50] – 80 % всех терминов. Терминам морского дела присуща конкретность; абстрактные образования, например, существительные с суффиксами *-ние*, *-ство* Б.Л.Богородский считал нехарактерными для живого языка моряков и бытующими только «в бумажных отчетах», т.е. в книжных стилях (официально-деловом и научном) [Богородский 1970: 186]. Кроме имен существительных, в морской терминологии широко представлены термины-глаголы. Они передают динамических элемент, который со всей полнотой не

может быть выражен другой частью речи.

Термины-прилагательные активно употребляются в морской терминологии в составе терминологических словосочетаний (*бортовой, аварийно-спасательный, парусный, валкий, навигационный*; ср. также названия ветров: *попутный, противный, крепкий, свежий, отжимной*) и др.

Морской подъязык содержит различные по структуре наречия: *антретно, динамически, лагом, веером, по-каботажному, внахлест, взакрут, в дрейфе*. Они служат для характеристики глагольных терминов и являются поэтому хотя и немногочисленной, но необходимой группой в составе морской терминологии и нашли отражение в языке художественных произведений [Орлова 1984:4].

В силу своего постоянного функционирования в профессиональной устной речи морская терминология на протяжении длительной истории выработала в своем составе такую нехарактерную для терминосистем часть речи, как междометие (*полундра*).

Говоря о грамматической специфике морской лексики, отметим, что она включает заимствования, которые не приобрели на русской почве форм словоизменения, например, *карго, авизо*.

Сложность представляет вопрос о терминологических словосочетаниях.

Большинством ученых признается существование терминологических словосочетаний разной структуры и степени сложности. Для таких терминов вводятся разные наименования (составной термин, терминологическое словосочетание, терминологический фразеологизм и др.). Разнобой в названиях не случаен, поскольку терминологические словосочетания отличаются большей степенью спаянности компонентов, чем свободные словосочетания общепринятого языка, и принадлежат к «фразеологии в широком смысле слова» [Моисеев 1968: 5].

Предикативными сочетаниями (предложениями) являются морские команды, А.И.Моисеев не считал их терминами, поскольку команды не обладают номинативной функцией, а выполняют побудительную функцию. В языке специалистов-моряков они носят название «командных слов». Алфавитный список наиболее употребительных морских команд дан в «Орфографическом морском словаре» (1974). Терминологией в полном смысле команды назвать нельзя, но их можно отнести к специальной фразеологии в широком смысле слова.

Терминологические словосочетания, в свою очередь, активно стремятся перейти в сокращенный вариант термина как более удобный для практического пользования. В.П.Даниленко, вводя понятие «краткий вариант термина» и определяя его как равноправную по значению, но сокращенную определенными способами языковую конструкцию терминологического наименования одного и того же терминологического понятия, выделяет три способа образования кратких вариантов термина: лексическое сокращение, сокращение способами словообразования и сокращение средствами символики [Даниленко 1977].

§ 3. Семантические особенности морской терминологии

В области морской терминологии наблюдаются в основном те же семантические явления, что и в нетерминологической лексике; однако эти процессы протекают в своеобразной форме и различным образом квалифицируются лингвистами.

Из определения термина и самой его природы следует, что многозначностью он характеризоваться не должен (точность, однозначность – основные свойства термина). С другой стороны, термины – это слова, и ничто языковое им не чуждо, поэтому некоторые морские термины могут развивать не одно значение. В ряде работ указывается на закономерность этого процесса (В.П.Даниленко: полисемия – «естественное проявление законов развития лексики» [Даниленко 1971: 18]).

Разграничение разных значений морского термина в контексте обычно не представляет сложности. Например, разграничиваются два значения слова *склянка* (*песочные часы и получасовой промежуток времени, отбиваемый в колокол*).

Полисемию развивают также термины – отвлеченные отглагольные существительные: они сохраняют значение действия и процесса и одновременно развивают предметные значения (*ход – скорость и ход – процесс нахождения в море, антоним к стоянка*).

Закономерным семантическим процессом в терминологии представляется омонимия. Омонимы могут также появляться в пределах морской терминологии (*банка – мель и банка – сиденье для гребцов на шлюпке; риф – коса, отмель и рифы – ряд продетых сквозь парус завязок*).

Характерно образование омонимов при расхождении двух терминологических значений у слов, заимствованных из общелитературного языка (*дерево – мачта и дерево – деревянная часть рангоута, глухарь – крышка у иллюминатора и глухарь – винт*).

В результате сокращения составных наименований *спасательное судно, гидрографическое судно, парусное судно* и т.п. возникают термины *спасатель, парусник, гидрограф*, которые омонимичны наименованиям лиц по профессии и соответствующих должностей на флоте.

Как проявление общеязыковых процессов, в терминологию проникает и синонимия. Д.С. Лотте считал это явление крайне нежелательным [Лотте 1961]; Е.Н.Толикина охарактеризовала его как «вредное» для терминологии [Толикина 1970: 61]. Противоположная точка зрения сводится к тому, что существование терминов-синонимов «функционально оправданно» [Котелова 1970: 122], что они нужны для номинации близких понятий, связаны со стилистической окраской или необходимостью эвфемистической замены.

Б.Л. Богородский указывал на следующие причины синонимии в

морской терминологии как терминосистемы одного из «старых производств»: наличие старых и новых терминов (в языке судорабочих, особенно на мелких судах), свои (т.е. русские – Н.О.) и заимствованные наименования, книжные и разговорные, иногда просторечные слова [Богородский 1970: 186].

Все морские словари включают термины, которые употребляются не повсеместно, а в некоторых районах (бассейнах), где возможно сосуществование синонимов: *банок* – каспийское «фарватер», *западник* – волжское «вест», *катать якорь* – поморское «выбирать якорь», *балки* – северное «бимсы», *губа* – волжское «румпель».

Примерами синонимии (дублетности) русского и заимствованного наименований являются термины *подводная лодка* – *субмарина*, *брекватер* – *волнолом*. В художественном контексте часто происходит столкновение (или клэш, от англ. *clash*) синонимов – общеязыкового и терминологического наименований: *трап* – *лестница*, *комингс* – *порог*, *переборка* – *стена*, *камбуз* – *кухня* и т.п. Эти синонимы используются, как правило, с определенными стилистическими заданиями, например, русское слово служит способом семантизации термина (*ботдек* – шлюпочная палуба, *кок* – повар).

Широко представлены в морской терминологии антонимы, поскольку противопоставление характерно для понятийных сфер научной и профессиональной деятельности (*ветер попутный* – *ветер противный*). Антонимия проявляется не на фоне всей многочисленной и разнообразной морской терминологии, а в пределах микросистем (тематических групп) внутри неё, например, в наименованиях частей судна (*нос* – *корма*, *правый борт* – *левый борт*), действий и процессов (*заштормить* – *зашилеть*, *причалить* – *отчалить*, *стать на якорь* – *снять с якоря*), в навигационно-измерительной терминологии (*норд* – *зюйд*, *ост* – *вест*, *ход малый* – *ход полный*), в характеристиках корабля (*остойчивый* – *неостойчивый*) и т.д.

Наконец, существенным и специфическим для терминологии семантическим явлением представляется детерминологизация специальных слов. Об освоенности морского термина общелитературным языком можно судить по ряду критериев: а) наличие или отсутствие термина в общелитературном словаре, б) специальные пометы у слов, включенных в словари общелитературного языка, в) развитие общеязыковых значений у специальных слов, г) частота их употребления в нетерминологических контекстах, д) деривационная активность, использование русских словообразовательных аффиксов при образовании новых терминов от терминов иноязычного происхождения [Орлова 1984: 10-11].

§ 4. Тематическая таксономия морских терминов в художественной речи

При исследовании терминосистем чрезвычайную важность приобретает их тематическая типология, поскольку для терминологической

лексики существенны логические отношения, вытекающие из предметной и понятийной соотнесенности явлений. Изучение тематических групп позволяет шире привлекать экстралингвистические факты и одновременно выявлять принципы лингвистической организации лексики, так как внутри тематических групп имеются языковые признаки, объединяющие их компоненты, а в ряде случаев «только выделив различные тематические группы, можно обнаружить семантическое своеобразие каждой из них» [Шмелев 1973: 14]. На необходимость изучения словарного состава по тематическим группам указывал ещё Ф.П.Филин, давший определение тематических групп как объединений слов, основывающихся не «на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений» [Филин 1982: 231].

Тематическая классификация морской лексики представляется важной и показательной в плане исследования ее стилистических функций: такая типология помогает ответить на вопрос, какие типы терминов вовлекаются в художественный контекст.

Работы по морской терминологии и морские словари содержат отдельные указания на наличие ряда тематических групп внутри этого круга лексики. Морская терминология может быть разбита на группы в соответствии с различными областями морского дела, однако в этом случае мы не обнаружим полного совпадения с тематическими группами морской лексики в языке художественного произведения. Так, например, раздел морской науки «Устройство корабля» включает большую часть слов, входящих в тематическую группу «Наименования частей и деталей судна»; раздел «Якорное устройство» содержит ряд терминов из тематической группы «Наименования оборудования, снастей, приборов», а также термины из других тематических групп.

Такое несовпадение связано, во-первых, с тем, что точка зрения моряка и читателя-неспециалиста на один и тот же предмет различна: специалист воспринимает термин во всем объеме его значения, для читателя важно лишь так называемое «бытовое представление» о нем. Для лингвиста, как для любого читателя, наиболее важными являются внешние и наиболее известные признаки предмета, обозначаемого термином (например, *якорь*, *парус*, *трос*, *стопор*, *лаг* и т.п. – наименования судового оборудования), а для специалиста существенны внутренние, функциональные признаки понятия (*якорь*, *стопор* – якорное устройство, *трос* используется для такелажных работ, *парус* входит в вооружение парусного судна и т.д.). Говоря о стилистических функциях морской лексики, мы опираемся на лингвистическое толкование термина, а в специальных работах используется его энциклопедическое толкование.

Лингвистическая классификация находится в соответствии с точкой зрения читателя-неспециалиста и помогает выявить специфику функционирования специальной лексики в художественном тексте.

На основе анализа морской терминологии, употребляемой писателями, можно выделить следующие тематические группы: [Орлова 2011]:

1. Наименования различных видов судов и кораблей. Группа отличается грамматической однородностью: все термины – имена существительные и словосочетания на базе существительных. Внутри группы имеются подгруппы, выделяемые по родо-видовому признаку. Это военные корабли (*авианосец, броненосец, миноносец, корвет, крейсер, фрегат, эсминец, подводная лодка*), грузовые, пассажирские, вспомогательные и т.п. суда (*баржа, гидрографическое судно, клипер, землечерпалка, лайнер, сейнер, сухогруз, теплоход*), лодки (*джонка, шлюпка, парусинка, гичка, ялик*). Активное употребление подобных терминов всеми авторами делает эту группу одной из самых многочисленных среди тематических групп морской терминологии в художественной литературе.

2. Наименования частей судна и его деталей. Эта группа разнообразна в семантическом отношении, так как термины в ее составе называют и большие части корабля, и мелкие детали этих частей (отверстий, лестниц, перегородок и т.п.): *корма, нос, каюта, ют, рубка, салон, палуба, машинное отделение, корпус, надстройка, бак, поручни, трал, клюз, шпангоут, банка, переборка, кнехт*. Наиболее общие родовые понятия (*отделение, каюта, рубка, площадка*), вступая в атрибутивные отношения с прилагательными, образуют терминологические словосочетания для обозначения видовых понятий: *буфетная каюта, гардемаринская каюта, медицинская каюта, носовая каюта* и т.д.; *верхняя палуба, жилая палуба, церковная палуба; ходовая рубка, боевая рубка, штурманская рубка, кормовая рубка, минная рубка; машинное отделение, шпильное отделение, румпельное отделение; сейнеровая площадка, траловая площадка*.

Многообразие компонентов связано также с типами судов, которые, в зависимости от величины, назначения, технических особенностей, имеют разное строение (променад-дек – на пассажирском теплоходе, крүйт-камера – на военном корабле, балластные цистерны – на подводной лодке, подводные крылья – у судов соответствующей конструкции, уключины – на гребных судах и т.д.).

3. Группа «Названия судового оборудования, снастей, приборов и их деталей» также является многочисленной и разнообразной по семантике входящих в нее терминов. В составе этой группы выделяются обозначения снастей бегучего и стоячего такелажа (*штаг, шкот, фал, трос, снасти, рей, порт, гордень, гитовы* и т.п.), парусов (*марсель, фор-марсель, стаксель, трисель, топсель, грот, фок, фор-стенги-стаксель* и т.п.), механизмов и приборов (*шпиль, лебедка, помпа, лаг, лот*), флагов (*гюйс, вымпел, торговый флаг, флаги расцветивания*), спасательного имущества (*надувной жилет, спасательный пояс, спасательный круг*), а также другого имущества и оборудования (*якорь, койка, рундук* и т.п.). Данная группа содержит как новейшие термины, связанные с применением в мореплавании современных приборов, так и устаревшую лексику, в первую очередь слова, связанные с оснащением парусного судна, что нашло широкое отражение в художественных текстах.

Семантически многие термины близки к терминам группы

«Наименование частей и деталей судна». Для их разграничения можно определить часть судна как то, что возводится непосредственно при его постройке и остается неизменным, а оборудование и снасти – как то, что крепится на частях судна, может быть поставлено, привязано, убрано.

4. Наименования чинов и должностей на флоте. Основу группы составляют однословные термины (*шкипер, мичман, штурман, старшина, офицер, матрос, лоцман, радист* и др.). На базе однословных терминов при необходимости уточнения понятия, отражения возможно большего числа его признаков образуются терминологические словосочетания (составные термины): *четвертый механик, старший помощник капитана, капитан дальнего плавания, младший механик, матрос 1-го класса, грузовой помощник капитана, вахтенный офицер, вельботный старшина, капитан 1-го ранга* и др.

Компоненты данной тематической группы являются составной частью более крупной тематической группы в составе общенародной лексики – «Наименования лиц по профессии» (НЛП).

5. Наименования действий, процессов, трудовых операций. Ряд приставочных и бесприставочных глаголов самостоятельно обозначает указанные действия: *стопорить, пеленговать, лавировать, (за)драить, принайтывать, засвежить, швартоваться, сплеснивать, клетневать, бункероваться, погружаться, отвалить* и др.

От этих глаголов могут быть образованы существительные, которые, наряду со значением предметности, сохраняют значение процесса: *задрайка, брасопка, швартовка, штивка, траление*.

6. Тематическая группа «Погодные, географические условия плавания и их следствия» по своему составу близка к терминологии физической географии и метеорологии. Таким образом осуществляется связь терминологии морского дела с другими терминосистемами. Несмотря на относительную немногочисленность, она распадается на несколько подгрупп: слова, характеризующие водные пространства (*арктические воды, бухта, гавань, малые глубины, залив, море, открытое море, океан, отлив, прилив, течение, территориальные воды*), термины-названия ветров (*бриз, ветер, ветер отжимной, ветер южный, ветер встречный, зюйд-ост, муссон, шквал, штиль, шторм, тайфун*), характеристики рельефа дна (*грунт, мель, отмель, бар, риф*), очертаний берегов и островов (*берег, архипелаг, материк, остров, полуостров, фиорд, ихеры, мыс*) и термины, характеризующие ледовые условия (если речь в произведении идет об арктическом плавании): *дрейф льда, льдина, полоса торошения, стамуха, шуга, несяки, торосы, ропак*. Следствия погодно-географических условий плавания обозначаются терминами *качка (килевая и бортовая), волнение, волна, вал, толчая*.

7. Компоненты тематической группы «Навигационно-измерительная лексика, характеризующая движение и местонахождение судна» также тесно связаны с физической, метеорологической и географической терминологией. В группу входят такие термины, как *балл, бейдевинд, бакштаг, галфинд,*

градус, долгота, ход, зенит, кабельтов, курс, меридиан, миля, оборот, параллель, пеленг, узел, фут, экватор, широта.

Перечисленные группы морской терминологии в языке писателя являются самыми многочисленными. Можно выделить также ряд меньших по объему тематических групп: «Названия морских учреждений и совокупностей судов определенного назначения», «Наименования портовых и береговых сооружений и служб», «Предупредительные знаки», «Судовая документация», «Наименования сигналов», «Характеристики судна» (*автономность, водоизмещение, водотечность, живучесть, непотопляемость, остойчивость, парусность, осадка*). Тематическая группа терминов, указывающих на нахождение или возможность нахождения судна в море, представлена словами *навигация, рейс, вояж, каботаж, плавание, кампания, переход, поход*. Терминология, указывающая на отношение к морской службе, употребляется в основном на военных судах и близка к собственно военной терминологии. В эту группу входят существительные *служба, отставка, производство, увольнение в запас* и глаголы *служить, повысить, понизить (в звании), разжаловать, списать(ся)* и т.п.

На периферии морской терминологии выделяется тематическая группа лексики «Наименования частей морской одежды и обмундирования»: *бескозырка, бушлат, зюйдвестка, китель, кортик, лента ВМС, нашивка, парадная форма, роба, тельняшка, форменка* и др.

Первые пять из перечисленных тематических групп составляют ядро морской терминологии в языке художественного произведения. Они являются самыми большими по объему, что связано с их местом в системе терминологии, с их прямым отношением к описанию корабля, судна как предмета морской профессии и деятельности.

Особое место среди тематических групп морской терминологии в художественной речи занимают командные слова, выполняющие побудительную функцию. Наиболее употребительны команды, связанные с отдачей и поднятием якоря (швартовых), с постановкой (уборкой) парусов, увеличением (уменьшением) парусности; команды, даваемые рулевым и в машинное отделение относительно курса и хода судна.

Состав тематических групп может быть пополнен за счет профессионализмов – речевых терминов, которые синонимичны общепринятым терминам и отличаются от последних стилистической и экспрессивной окраской. Прежде всего, к числу разговорных относятся многие сокращенные варианты, возникающие в соответствии с общей тенденцией к созданию сокращенных вариантов в терминологии. Эти термины отличаются высокой употребительностью и сохраняют связь с исходным полным наименованием. По сравнению с другими разговорными вариантами им присуща наименьшая степень экспрессивности (кавторанг, флагарт, старпом, старлей, начштаба, каперанг; канлодка, погранкатор). Термины, входящие в тематическую группу «Наименования чинов и должностей на флоте», включают также большое количество лексических (лексико-семантических) профессионализмов: *дед, мастер, чиф, флажок*

(*флагманский офицер*), *секонд*, *капрал*, *дракон*, *маркони*, *духи*, *салага*, *салажонок*, *бич*, *мореман*, *ледобой*, *морячина*, *морячила*, *марсофлот*, *кэп*.

Разговорные термины (профессионализмы) характерны для тематических групп «Наименования частей морской одежды и обмундирования» (макинтош – чехол на фуражке, краб – кокарда, капуста – галун на козырьке, шкары – уставные суконные брюки, нахимовка – фуражка, капка – капковый жилет, «гады» – ботинки); «Наименования погодно-географических условий плавания и их следствий» (ветер в лоб, мордотык – встречный ветер), «Наименования судов и кораблей» (посудина, коробка, купец, шука, мошка, шип, самовар, малютка, парамон) и в некоторых других («соловей» – в дореволюционном флоте звуковой сигнал к водке, собака – ночная вахта и др.).

§ 5. Стилистические функции морской терминологии: номинативное употребление

При анализе стилистических функций специальной (морской) лексики мы опираемся на некоторые принципы писательской лексикографии (при описании способов образной реализации значений терминов), делая при этом акцент не столько на индивидуально-авторском своеобразии использования маринистической лексики, сколько на выявлении общих закономерностей использования этого разряда слов ограниченного употребления для решения художественных задач.

Термины могут употребляться в прямом значении, выполняя при этом номинативную функцию. Номинативное употребление термина писателем не тождественно его использованию в специальной (научной) речи. Если в специальном употреблении термин соответствует понятию, указывает на все существенные, с точки зрения данной науки, признаки предмета, необходимые для его определения, то исходной точкой для построения образа часто является не содержание термина, а «бытовое представление» о нем, включающее лишь часть дифференциальных признаков, составляющих его содержание. Указанное различие находит отражение в лексикографической практике (в толковых словарях и словарях энциклопедического типа). Ср.:

Спасательный круг. *Предназначенный, служащий для спасания (БАС).*

Спасательный круг. *Круг, сшитый из парусины в два слоя; кольцевое пространство заполняется пробкой, листовой или крошеной; наружный диаметр 770 мм; вес круга около 6 кг; подъемная сила более 14,5 кг (Морской словарь).*

Номинативное употребление специального термина в художественной речи осуществляется с различными целями. Прежде всего, термин – средство описания морской профессиональной среды, создания «производственного пейзажа» и речевой характеристики персонажей-моряков. Номинативные контексты – основной источник тематического

многообразия морской терминологии в языке художественного произведения. Для создания профессионального колорита могут быть использованы как термины, не имеющие соответствий в общеупотребительном словаре (например: *Почему матросы в корме не могли догадаться забить чопы в шпигаты?* – Конецкий), так и профессионально маркированные орфоэпические варианты общенародных слов:

– *А юнкера флота тоже могут произвести в мичманы?*

– *Так точно, в мичманА.*

<...> *Флот во многом отличается от армии: юнкер – гардемарин, обыкновенный рапорт – по флотски рапорт, в армии на север указывает компас, во флоте – компАс* (Соболев).

Один из самых распространенных художественных приемов – столкновение термина и его общеязыкового синонима (стилистический клэш). Наиболее часто противопоставляются – как общеязыковые и специальные – следующие слова: *трап – лестница, порог – комингс, туалет – галюн, скамейка – банка, километр, метр – миля, кабельтов; окно – иллюминатор, притолока – пиллерс, пол – палуба, ездить – ходить* и др.

Салажонок Володя <...> на потеху всем писал в судовом журнале: «Едем дальше» (когда меняли курс) (Дедюхин).

– *Едем!* – передразнил Гордюшенко. – *Вторую неделю флотскую форму носишь, а говорить по-человечьему не научился. Это девки на фаэтонах ездят, а моряки ходят* (Лавренев).

<...> *Даша сказала своим, что вернется завтра. Мать всполошилась:*

– *Отец знает?*

– *Родитель разрешил нам, выражаясь языком его устава – поднял добро* (Марченко).

Кострецов, заикаясь, переводил:

– *В нашем... общем деле ... большим ... препятствием служат национальные переборки ...*

– *Перегородки, – подсказал командир* (Соболев).

<Назар> *сразу ухватисто прочел самое существенное: «зачислить» ... «первым помощником капитана». Удостоверился, что для него кончились километры и начались мили* (Черепанов).

Противопоставление специального и общеязыкового синонима, осуществляемое в стилистических целях, может иметь имплицитный характер, что связано с невозможностью подбора точного синонима. Так, И.А. Гончаров, отличавшийся тонким языковым вкусом и большим интересом к морским терминам, выделяет подобные слова курсивом, таким образом обращая на них читательское внимание и давая возможность читателям самостоятельно найти сходное по смыслу обозначение в общенародном словаре:

*Один (офицер) оттолкнул рулевого, который давал шхуне **рыскать**.*

*Бухта удобна, берега **приглубы**.*

*И мы, как люди хорошего общества, **отвалили** в половине первого.*

*Вы улыбаетесь при слове **отваливать**: в хорошем обществе оно не в*

ходу, но здесь у нас отваливай – фёшенэбельное слово (Гончаров).

В ряде случаев замена общепринятого или бытового наименования термином (при отсутствии прямого синонимического клэша) служит языковым сигналом речи персонажа-моряка:

<Коридор университета> узкий, а длина его достигает почти двух кабельтовых (Сажин).

Подбегаю к ней, а она уже и говорить не может. Наклоняюсь, она шепчет: «Скажите мужу.... Репетую: «Есть, сказать мужу. Что сказать?» (Крон).

Давайте ваш бушлатик, Татьяна Евгеньевна, я повешу (Лавренев).

Морская терминология всегда осознавалась, с одной стороны, как лексика производственно-техническая (в соответствии с функцией профессионального подъязыка), а с другой – как лексика, имеющая романтический налет в связи с исконным противопоставлением моря и суши (грозная и прекрасная стихия / обыденность, приземленность). В немалой степени появлению у морских слов романтической окраски способствовала символика звукового состава многих иноязычных терминов (*каравелла, бригантина, фрегат, норд*). Поэтому в ряде номинативных контекстов («Романтики» Константина Паустовского) использование морской терминологии создает атмосферу романтической приподнятости. При этом даже «бытовое представление» о содержании термина может суживаться по сравнению с научным представлением до минимума; в структуре значения, по сути, остаются только смысловые оттенки, поэтический и романтический налет, необходимый писателю для решения художественных задач: *Мы болтаемся большей частью без дела, просиживаем дни в трактирах, научились по цвету дыма отличать английский уголь от антрацита, а по оснастке – шхуны от баркантин и трамбаки от барков.*

В приведенном примере «бытовое представление» о семантике терминов *шхуна, баркантина, трамбаки, барк* основано практически на одной семе – ‘парусное судно’, заключающей возвышенное, романтическое представление о парусном флоте.

Поэтому общеупотребительная лексика, включенная в номинативные контексты наряду с морской, может состоять с последней не только в синонимических отношениях, а противопоставляться ей по разным основаниям. Во-первых, морская и неморская лексика противопоставляются как романтическая и обыденная.

– Вы его послушайте только. У меня на море морская болезнь, а у него черт знает что: и фрегаты, и жемчуга, и Летучий Голландец (Паустовский).

Относительно мачт меня просветил другой Чернышев; я понял назначение вант и страх перед мачтами прошел. Но этот Чернышев не был для меня настоящим моряком – он плавал в закрытом море, был неуклюж; в довершение ко всему поступил на службу в акциз (Грин).

Во-вторых, морская терминология может выступать в номинативном

употреблении как книжная, лишенная эмоциональности – что характерно для терминологии в целом – и в этом случае эмоционально-экспрессивную окраску приобретает окружающая её общеязыковая лексика. Этот контраст также призван решить различные художественные задачи (языковая характеристика персонажа, создание юмористического эффекта и т.п.).

– *Ах ты, любезный мой Виктор Ильич! Тебе бы хотелось небось, чтобы корабли плавали в розовом масле, ветер только целовал паруса, и лейтенанты танцевали бы только повахтенно с красавицами!* (Бестужев-Марлинский).

– *Ей-богу, с интеллигентом тяжелее плавать, чем с дубом, который ничего, кроме тонно-милей и норд-остов не знает, но и не залезает в души другим, как твой отец* (Конецкий).

Наконец, стилистический клэш может осуществляться по принципу типу чеховской «Свадьбы», когда в контексте сугубо бытовой речи взрывается «терминологическая бомба» [Реформатский 1961: 53].

Суть этого приема заключается в том, что лексико-фразеологические средства, включенные в номинативный контекст, имеют либо нейтральную стилистическую окраску (ср. в примерах, приведенных ниже, – *монах, таракан* и т.п.), либо разговорный характер (*сорока на хвосте принесла*). На этом фоне морская терминология выступает как лексика книжная (научная, официально-деловая, в целом малопонятная), а общеупотребительная – приобретает контекстуально сниженную окраску.

– *В сигнальное устройство горизонтальной наводки попал таракан, замкнул контакты, и сигнальная лампочка загорелась, когда орудия смотрели не на цель, а на флагмана. Как таракан заполз в plombированный блок сигнализации, не знает никто* (Конецкий).

Монах недоволю пожевал губами.

– *А только скажите вашему командиру, чтобы они фертоинг стали и скобу завели, потому в полтора кабельтова за их кормой банка* (Колбасьев).

Анечка. Говорила Дроздыха – вчера на кораблях сыграли боевую готовность номер один. Саша, будет война?

Платонов, К Дроздыхе. Даст разъяснение.

Анечка. Саша, ты идешь в поход?

Платонов. Сороки флотские на хвосте принесли?

Анечка. Ты когда в море уйдешь?

Платонов. Позвони комфлота, он тебе шепнет (Штейн).

Таким образом, стилистические функции морской терминологии, включенной в номинативные контексты, зависят не только от имманентного значения и свойств того или иного термина, но и от лексико-семантического фона.

Высказанная мысль подтверждается тем фактом, что в контекстах, не связанных с маринистической тематикой и отличающихся богатством образных средств (например, в поэтических) с морской терминологией (закрывающей семьи романтичности, возвышенности) может соседствовать стилистически близкая лексика, накладывающая на терминологию еще

большую эмоциональность, придающая ей дополнительную экспрессию. В стихотворном ряду слова воспринимаются не только с логической стороны, но и ассоциативно; они зажигают друг друга дополнительным смыслом, у них возникают семантические коннотации. Морской лексике в поэзии часто сопутствует лексика эмоционально-оценочная (*бурный, дикий, восторженный, ничтожный, бушевать, могучий, безрассудный, горестный, злой* и т.п.); абстрактная (*синь, свет, тьма, душа, даль, судьба, любовь, простор*), возвышенная и архаичная (*мирской, небеса, державный, ветрило, пир, вешний, погибель, неведомый*). Иногда оценочность носит отрицательный характер, и в этом случае стилистический эффект достигается противопоставлением сниженной лексики романтической лексике моря, либо подчеркиванием суровости, грозности морской стихии. Ср. два примера:

*Атлантика бушует неустанно,
И повествуют острова пространно
О бешенстве другого океана,
Который хочет их бесстыдно **слопать*** (Леонид Мартынов).

*Повисли **паруса**. И за оснасткой брига
Был виден дикий край, открытый Америго <...> .
Потом рассказывал я в гавани **галерной**,
В **трактире мерзостном**, за кружкой **фалерно**
Про **гибельную страсть*** (Павел Антокольский).

В поэтических контекстах в ряду с морской терминологией часто употребляется музыкальная лексика (*альт, вальс, скрипка, музыка, песня, трубить, петь, мелодия, прелюд, ритм* и т.п.). Ритмика моря, родственная ритмической организации стиха, делает «музыкальное» оформление органичным.

Следовательно, употребление морского термина в различных контекстах: маринистических и не связанных с морской тематикой, прозаических и поэтических, – влечет за собой его семантическое столкновение (кляш) с общеупотребительной лексикой, появление «смежной», экспрессивно-стилистически близкой лексики и т.д. Прямое значение специального слова в художественном произведении отличается не только объемом содержания, выражаемого самим морским термином, но и стилистической ролью соседствующих с ним в одном микроконтексте общеупотребительных слов, поскольку при этом возникают контекстуальные оттенки значения, «приращения смысла, возникающие у слова при соединении с другими словами» [Словарь автобиографической трилогии М. Горького: 13].

В некоторых случаях происходит противопоставление лексем не по принципу «термин – общеупотребительное слово», а по принципу «термин – термин». Морской термин может быть сопоставлен с речным (в контекстах определенной тематики):

Завтра вся дивизия будет пересмеиваться: «Видали?.. Академики!..

Бумажные морячки, волжские привычки. Словом – «зачаливай»!.. (Соболев).

Пренебрежительное употребление речного термина «зачаливать» основано на имплицитном противопоставлении его морскому термину «швартоваться» – синониму, имеющему более литературный, строго научный характер.

При столкновении в одном номинативном контексте морских терминов, выступающих как контекстуальные синонимы, художественный эффект основывается как на стилистических коннотациях, так и на сопоставлении значений самих терминов:

Пийчик осторожно спустился в неверную зыбкость парусинки, изображающей собой его капитанский вельбот (Соболев).

– Давайте бросим легенду о мощи российского флота! Плывет такая непобедимая армада каравелл старше нас с вами возрастом, плывет навстречу только что спущенным со стапелей германским кораблям – и обидно и горько на ней тонуть (Соболев).

Семантико-стилистический конфликт осуществляется с различными целями, в частности, как мы наблюдали выше, для создания комического эффекта. Так, в путевых заметках И.А.Гончарова «Фрегат «Паллада» с помощью терминологии реализуется широкая палитра комического: юмор, шутка, ирония, зачастую грустная. Такой эффект строится на несоответствии бытовых и терминологических наименований и представлений; на непонимании морских терминов; на соотнесении синонимов – термина и нетермина:

Не скоро потом отделаюсь я от привычек, которые наложит на меня морской быт. Мне будет казаться, что мебель надо «принайтовить», окна не закрыть ставнями, а «задраить», при свежем ветре буду ждать, что «засвистят всех наверх рифы брать» (Гончаров).

<...> Опять франты, женичины, но вместо кружевного платка в руках женичины – каболка (оборвыш веревки) или банник, а франт трет палубу песком. Откроешь глаза и увидишь, что каболка, банник – на месте, а ваз, цветов и вас, милые женичины, – увы, нет! (Гончаров).

Какое наслаждение лечь спать на берегу, где со столика ничего не упадет, где над вашей головой не загремит ни бизань-шкот, ни грото-брас (Гончаров).

Для создания комического эффекта часто используются малопонятные, узкоспециальные термины. Комическое проявляется в ситуациях непонимания этой лексики не только персонажем, но и читателем; в подобных случаях из терминологии переносится фактически лишь звуковая оболочка термина. Так, еще А.А. Реформатский заметил, что в «Свадьбе» А.П.Чехова употребление терминологии в номинативном контексте вызывает комический эффект и создаёт резкий контраст между речью обывателей и «благородного чудака Ревунова-Караулова» [Реформатский 1961: 54].

В связи с уходом из активного запаса языка (в том числе специального подязыка) ряда терминов парусного флота последние могут быть использованы для создания комического эффекта на несколько иной

основе, чем это было ранее. Например, Л.Соболев юмористически обыгрывает команду «Руби грот-мачту!», что было невозможно в текстах Бестужева-Марлинского, Станюковича или Гончарова: грот-мачту рубят на парусных судах в сильный шторм, в трагические минуты. Читатели Соболева не всегда знакомы со смыслом этого терминологического выражения; оно ушло из активного запаса языка самих моряков, что дает возможность писателю относиться к нему шутливо.

Ужасна судьба корабля, потерявшего свое место в море! Еще ужаснее судьба его капитана. Ежеминутно готов он крикнуть громовым голосом «рубите грот-мачту!», чтобы, испытав и это последнее отчаянное средство к спасению, остаться на мостике корабля, уходящего в бездну.

В примечании к приведенному контексту автор комментирует его следующим образом: «Поскольку Василию Лукичу за годы плавания не довелось лично участвовать в кораблекрушении, он затрудняется объяснить, в чем заключается смысл этого средства к спасению и отсылает читателя к морским романам, где эту самую мачту обязательно рубят в тяжелых случаях жизни».

Образование некоторых терминов путем переноса значений общенародных слов и дальнейшей терминологизации создает предпосылки для столкновения общеязыкового и терминологического значения одного слова, а также для их семантического совмещения, например:

Платонов. А за болтовню на мостике есть шанс на пять суток без берега.

*Задорнов. Был бы **берег**, можно и без **берега** (Штейн).*

*На рассвете она разбила графин и крикнула так отчаянно, что все в доме повскакали и кинулись к ней в ночных рубашках (только Николай успел надеть брюки и китель – очевидно, из привычки к ночным **тревогам**) (Соболев).*

*– **Пошел шпиль!** Пошел же шпиль, в самом деле, – крикнул Ичиков вне себя.*

*Но **шпиль** так и не **пошел**, а **пошло** само посыльное судно, освобожденное от якоря ударом топора по стальному тросу, который на «Посыльном» именовался якорной цепью (Соболев).*

В последнем примере комическое основано на употреблении глагола в разных значениях – общеязыковом и терминологическом (как компонента морской команды). Кроме того, юмористический эффект усилен противопоставлением терминов *трос – якорная цепь* (ср. выше *парусинка – вельбот*).

Морское дело как область знания отличается широтой интернациональных связей моряков – носителей морской терминологии. Поэтому в составе номинативных контекстов сравнительно часто встречается иноязычная терминологическая лексика: *петти-офисер, пеймастер, мидшипмен, ген-рум* (Кнехт), *кэп-мастер* (Марченко), *коммодор* (Кнехт, Степанов), *обер-лоцман* (Крузенштерн), *корветтен-капитан, капитан-пурзее* (Пикуль) и др. Терминологические словосочетания и команды могут

включаться как в транслитерированном виде, так и в написании латиницей.
Ср.:

– *Full speed ahead!* (Князев).

Судно шло при полной парусности «ин фулл свинг» (Задорнов).

Скоро раздастся команда «трайс ап ти хэммонс!» – подвешивать койки (Задорнов).

– *All sails aback!* – *раздалась команда вахтенных* (Задорнов).

Французская морская пехота (infanterie de marine) (Станюкович).

Иноязычные вкрапления (макаронизмы) встречаются не только в речи персонажей-иностранцев, но и для характеристики устной речи русских мореплавателей (в качестве средства, усиливающего экспрессивность, аналогично образованным на иноязычной основе профессионализмам):

– *А теперь, как говорят англичане, фул спид на обед!* (Сажин). Ср. англ. full speed – полный ход.

Многообразие употреблений морской лексики в составе номинативных контекстов призвано с наибольшей полнотой отразить профессиональную речь моряков и создать профессиональный колорит в произведениях маринистической тематики.

§ 6. Употребление морской терминологии в составе сравнений

При включении морской лексики в состав сравнений в структуре значения термина не наблюдается образных трансформаций; его значение остается прямым: «при общем образном значении его <сравнения> компоненты не показывают смыслового сдвига по отношению к прямому значению» [Словарь автобиографической трилогии М. Горького: 32].

Рассмотрим особенности сравнительных оборотов, в которых морская лексика предстает в качестве центра сравнения, т.е. слово-термин употребляется «в качестве второго члена <...> сравнения любого структурного типа» [Григорьев 1973: 115]. Такие обороты имеют различные формальные признаки и структуру; наиболее распространенные из них построены по типичным моделям общезыковых сравнений:

– *За вами я мог бы спать спокойно, если бы вы могли повелевать так же удачно стихиями, как вахтой* (Бестужев-Марлинский).

Тобьерсен сел к столу и четким прямым почерком, словно он вписывал широту и долготу в судовую журнал, написал на книге: «Natalie Семеновой от капитана «Глиттертинда» (Паустовский).

Отмечаются также сравнительные обороты, построенные по моделям «похожий на что-либо» (*торт был румяный, похожий на спасательный круг* – Капица), «в качестве кого-либо» (*Несмотря на хорошенькую Сашу, приспособленную лейтенантом в качестве мертвого якоря, удерживающего Козлова в доме, он имеет собственные планы* – Соболев), конструкции с творительным сравнительным (*Противолодочным зигзагом движутся мысли*

– Конецкий) и другие.

Многие сравнения, в которых использована морская лексика, носят развернутый характер. Логические, лишённые образности сравнения усиливают образность за счет распространения сравнительного оборота, расширения его границ, введения в его состав не одного, а ряда морских терминов и нетерминологической лексики.

Произнося свою речь перед матросами, адмирал и сам понимал, что карьера его затрещала, как водонепроницаемые переборки корабля, ломаемые давлением океана (Пикуль).

Было похоже, будто смотришь с мачты на бак линкора, где множество людей торопливо докуривают папирсы, вспыхивая частыми затяжками. Это и была линия фронта (Соболев).

Анализируя семантику сравнительных оборотов, включающих морскую терминологию, мы можем на вопрос, какие типы терминов вовлекаются в состав сравнений и какие семантические признаки терминов являются существенными для создания сравнительных оборотов.

Наиболее часто центром сравнения становятся *наименования судов и кораблей (или их частей), наименования оборудования, снастей, приборов, наименования лиц и их действий*. Это связано в первую очередь с частотой употребления членов указанных тематических групп – как объединений с большим числом входящих в них компонентов, а также с особенностями профессионального восприятия действительности, для которого указанные наименования и их признаки наиболее актуальны.

Мне скучно без дела: я – как баржа на приколе (Сажин).

Фрау Мильх превратилась в почтенную матрону, с грудью такой необъятной, словно форштевень буксира-толкача (Пикуль).

Остро отточенный карандаш над картой и даже тяжелый бинокль проявляют заметность ручного дрожания, как двукратная штурманская лупа (Конечкий).

Идет, словно капитанская гичка плывет (Новиков-Прибой).

Часто акулы преследуют корабль, а их лоцмана <птицы> сопровождают, как флаг-офицеры адмирала (Новиков-Прибой).

Две эти улицы были соединены между собой множеством коротких, как балясины штормтрапа, переулков (Дедюхин).

Меркулов оглядел очередь, сосредоточенную под висящими, как флаги расцветивания, буквами алфавита у стойки «до востребования» (Романов).

Вокруг корабля, как адмирал, принимающий парад, делал на барказе круги мичман Крутов (Марченко).

Значительно реже сравнения включают термины других тематических групп (*длинный, как причальная стенка, коридор – Сажин; квартира на шестом этаже, как в маяке – Паустовский; дознание, как срочная угольная погрузка, велось в две струи – Соболев*).

В основу сравнительных оборотов кладутся обычно внешние признаки предметов и явлений, называемых терминами, поэтому такие сравнения зачастую не отличаются глубокой образностью, а строятся на логической

основе, что связано с природой слова-термина, находящегося в центре сравнения. Сравнения приобретают более глубокий характер в случае поддержки образных связей, лежащих в его основе, метафорой; однако и в этом случае семантика сравнительного оборота основывается преимущественно на внешних, зрительных признаках предмета. Глагольные метафоры оживляют зрительный образ, лежащий в основе сравнения.

– *Приговор будто слеплен из теста, а раньше их ковали из чугуна, как якоря (Пикуль).*

А сами бухнулись в омут разврата, как якорь на морское дно (Новиков-Прибой).

Детство – это мать. Отрочество – первая любовь. Потом любовь к жене ... Вот они (женщины) и болтаются на волнах жизни, как вехи на фарватере, как поворотные буи (Конецкий).

В высоком и широком дверном проеме показался контр-адмирал. Он медленно поплыл между нами, как авианосец среди джонок в Малаккском проливе (Конецкий).

Особенности картины мира моряков, деятельность которых ограничена «узким пространством палубы», специфика морских терминов, в особенности заимствованных и не имеющих омонимов в других функциональных сферах общенародного языка, что исключает смысловую двуплановость, – всё это ведет к появлению однотипных ассоциативных рядов и сравнений, у разных авторов. Так, чрезвычайно распространенным приемом является уподобление людей и других живых существ (иногда – неодушевленных предметов) различным типам судов и кораблей или отдельным свойствам корабля: *разряжен, как аргентинская шхуна (Сажин), юноша стоял подобно белому фрегату в высоких парусах (Соболев), <...> как грудка какая-нибудь, образующая фигурой опрокинутую вверх дном шлюпку, лежал на полу (Гончаров), хороша, собой, как царская яхта (Бестужев-Марлинский), поплыл, как авианосец среди джонок (Конецкий), огромная, как шестивесельный ял, пасть (Сажин), <крыса>, как торпедный катер, поплыла в сторону (Марченко), обедня пошла, как призовой вельбот к финишу (Соболев).*

Характерно уподобление неустойчивого предмета судну, испытывающему качку.

Танк мчался, шатаясь, как корабль в шторм (Лавренев).

Кузов содрогался хуже торпедного катера на шестибалльной волне (Конецкий).

Старый домик качался, как лайба на волнах (Сажин).

Пол качался, как в шторм (Паустовский).

От взрывов наш «замок» чуть колышется, точно палуба большого корабля (Капица).

Пол кабины принял горизонтальное положение и стал уходить из-под ног. «Как палуба на корабле во время шторма», – подумал Олег (Чернышев).

Еще не все было ясно людям, и митинги качало, как корабли, то влево, то вправо (Пикуль).

В последнем из приведенных примеров метафорическое употребление терминологического глагола «качаться» поддерживает сравнение, базирующееся на физическом признаке «качка судна».

Из числа сходных по семантике сравнений, содержащих морскую терминологию и употребленных разными авторами, назовем также сравнения, основанные на уподоблении предмета корабельному помещению; сравнения, основанные на сходстве поведения (внешности) лица и поведения (внешности) другого лица морской профессии и некоторые другие.

Старая женищина убеждала молодую, красивую и высокую, как мачта (Кнехт).

Вытянулся он, стоит, покачивается, будто грот-мачта в шторм (Соболев).

По другую сторону сидел прямой, как фор-стенга, Климентьич (Романов).

А я стоял, как мачта без парусов (Сажин).

Он верещит так, как будто ему бимс на ногу упал (Конецкий).

Помощник посмотрел на меня так, как будто ему на ногу якорь бросили (Сажин).

Гарибальди надел синие брюки Сташевского и стал похож на старого, отъявленного боцмана с грязных итальянских буксиров (Паустовский).

Будущий академик и всемирно известный ученый выглядел, как боцман с «морского охотника» (Сажин).

Ряд примеров, иллюстрирующих возникновение на базе морской лексики сходных сравнений, можно продолжить, и их появление, как уже говорилось, диктуется относительной ограниченностью внешнего, вещного мира мореплавателей. Появление сходных ассоциаций (как следствие – сходных сравнений) – начало процесса зарождения переносного значения морского термина. Структурно-семантические особенности сравнительного оборота (автономность объекта сравнения термина препятствует утрате зрительного образа) еще не дают возможности появления переносных значений, но намечают путь для этого процесса, который будет рассмотрен в следующем параграфе.

Не все сравнения, содержащие уподобление предмету из морской области знания, заключают в себе уподобление одному и тому же признаку этого предмета. В основу сравнения кладутся самые разные, как было показано выше, обычно внешние признаки, например: *тугие, как штормовой парус, чехлы на вельботах (Романов), облака похожи на набирающие ветер паруса (Сажин), на флотской службе черное – так уж как уголь, белое – так белей паруса (Соболев)* и т.д.

Процесс вовлечения в состав сравнений морских терминов захватывает различные по жанру литературно-художественные произведения и общелитературный язык в целом. В художественных и публицистических контекстах, не связанных с морской тематикой, сравнения, включающие морскую лексику, строятся аналогичным образом: широко используются

термины, называющие суда и корабли, некоторые их части, а также наименования лиц морских профессий:

Он двигался тяжело, как корабль, груженный выше ватерлинии (В.Шефнер. Записки зубовладельца).

Ваня невольно вспомнил весь их важный дом, похожий на корабль (М.Рощин. Шура и Просвирняк).

Прямо не квартира – вдовый пароход (И. Грекова. Вдовый пароход).

Дверь выгибалась как парус, в щели заметало воду, ил, песок и насекомых.

Говорят, корабли как люди. На вопрос: какой характер у флагмана? – все, кто имеет отношение к кораблю, уверенно отвечают: настойчивый.

Я думаю: как же здорово он вооружен против всех темных и серых сторон жизни! Он, как линейный крейсер, оснащен тончайшими радарми понимания людей.

Родос рассекает волны на границе Эгейского и Средиземного морей подобно флагманскому кораблю (из публицистических текстов).

§ 7. Переносные употребления морских терминов: маринистическая метафора

Переносные (метафорические) употребления морских терминов на базе их прямых значений – важнейший процесс, значение которого не ограничено рамками собственно стилистического использования терминов в художественном контексте, а существенно для общелитературного языка.

Известно, что метафора определяется как «троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии» [Ахманова 1966]. Это образная основа сближает метафору и сравнение («скрытое сравнение»). Переносные употребления терминов возникают на основе отвлечения одного из признаков прямого значения от остальных его признаков и создания новых контекстных связей, что ведет «к устранению образа, чаще всего зрительного, на котором основан перенос значения» [Словарь автобиографической трилогии М.Горького: 35]. Как и сравнение, этот вид образной реализации значений терминов имеет выход в общелитературный язык, поскольку на его базе возникают и закрепляются устойчивые общезыковые переносы, однако сравнения, имеющие более узкую сферу образности и расчлененную структуру, способствуют развитию переносных значений у более ограниченного круга терминов.

Метафоризация терминов в художественном контексте способствует, таким образом, их детерминологизации. Об этом свидетельствует широкое вовлечение метафор, созданных на основе значений морских терминов, не только в маринистические произведения, но и в художественные контексты любой тематики, а также в тексты других функционально-стилевых типов. Образные употребления рассматриваются как одна из первых ступеней

образования метафоры. При образном употреблении слово не утрачивает важнейших признаков прямого значения; зрительный образ, на основе которого строится перенос, также сохраняется.

Метафоризация затрагивает преимущественно значения терминов таких тематических групп, как «Навигационно-измерительная лексика» (*курс, румб*), «Наименования оборудования, снастей, приборов» (*компас, якорь*), «Наименования действий, процессов и трудовых операций» (*аврал, лавировать, крениться*) и некоторых других. Поэтому с грамматической точки зрения эти метафоры могут быть как именными, так и глагольными.

При рассмотрении переносных употреблений терминов выявляются следующие разновидности метафор на базе значений морской лексики: а) общеязыковые метафоры, нашедшие отражение в словарях и б) метафоры, не зафиксированные в общеязыковых словарях. Среди последних – индивидуально-авторские метафоры окказионального типа и метафоры, обладающие семантической устойчивостью, повторяющиеся в текстах разных авторов.

Как было указано, значительное число терминов, встречающихся в переносном употреблении, относится к первому типу метафор, т.е. включено в словарь с пометами «переносно», «образно», или имеет отдельно выделенное общеязыковое значение. Это такие лексемы, как *абордаж, борт, буксир, корма, курс, лавировать, обмелеть, травить, фарватер, отчалить, буря, причал, ураган, шторм* и др. Сопоставление с традиционной языковой метафорой представляется весьма существенным, поскольку «наиболее отчетливо авторское своеобразие проявляется в системе отбора традиционных образных средств языка и в таких семантических преобразованиях под влиянием контекста, когда речевое значение отталкивается и в какой-то степени даже противостоит общенародным значениям, либо повторяет в иной форме те образные представления, которые закреплены уже языковой традицией» [Бахмутова 1982:112-113].

Отмеченное БАС устойчивое переносное употребление предложно-падежного сочетания «за борт» (помета «перен.») характерно преимущественно для произведений на неморскую тему:

– *Коммунисты первым делом вышвырнули за борт старые бочки с российским идеализмом* (А.Н.Толстой. Хождение по мукам).

По техникуму ходили панические слухи: экзамены не играют никакой роли, можно сдать на все пятерки и оказаться за бортом (Р.Киреев. Мои люди).

Я также против того, чтобы, не поработав с человеком, выбрасывать его «за борт», не помочь ему («Комсомольская правда»).

В произведениях писателей-маринистов отчетливо развивается иное значение термина этого термина (бок – левая или правая часть тела):

В левом борту и у вас, сухопутных, – сердце (Сажин).

Адмирал с небольшим постоянным креном на левый борт – из-за хромоты – миновал двери в коридор (Конецкий).

Слово «причал» имеет в словаре выделенное переносное значение

(4. *Перен. Простореч. Пристанище, приют*). В его основ – сема «место, защищенное от бурь, ветров». Оказиональным переносом можно считать употребление, в основе которого лежит другой признак прямого значения – «отправная точка движения пути корабля»:

Площадь перед дворцом Кшесинской стала для революционных моряков Балтики тем причалом, от которого они, напутствуемые Лениным, отправились в дальнейшее плавание (Сажин).

Переносное значение термина «курс» (*направление движения, путь (судна, самолета и т.п.)*), вошедшее в общеязыковой словарь, принадлежит к сфере политической терминологии (2. *Перен. Основное направление, основная установка (в политике)*) и является довольно узким по сравнению с метафорическими употреблениями в художественной речи, где развивается по меньшей мере три дополнительных оттенка:

1. О направлении движения человека (образно).

К раннему базару точным курсом следуют домохозяйки (Сажин).

Бывало, напьется и выделывает на улице зигзаги, а с курса не сбивается (Новиков-Прибой).

Теперь курс прямо на шестой кабинет держать надо (Конецкий).

2. Жизненная цель, установка.

Если серьезно: для вас поворот жизни на новый курс (Лавренев)

Нам что? Нам один в жизни курс, либо голодать, либо драться (Соболев).

Гораздо труднее взять пеленг душой и сердцем – на верный курс в жизни (Пикуль).

Вот что бывает с людьми, когда они теряют свой курс (Сажин).

Дружба! Мне с тобой по пути – одним курсом (Новиков-Прибой).

3. Путь, по которому идет революционное движение.

Пусть уж на Руси останется одна партия, как один адмирал, чтобы больше мы не вихлялись на путаных курсах революции (Пикуль).

Глагол «травить» ('ослаблять снасть') имеет разветвленную систему переносных значений. На основе зрительной семы «постепенное действие» по мере технического развития флота развивается новое специальное значение 'выпускать пар, воздух', а на основе периферийных сем – разговорные значения 'тошнить, рвать' и 'врать, рассказывать небылицы'.

В речи персонажей отмечены и другие метафоры, зафиксированные в ряде художественных контекстов.

*Обстановка вся сохранилась, даже рояль, а мелочь мать и дочь потихоньку **травили через кнехт в комиссионки*** (Соболев).

*– Товарищи, прекратим трение по данному вопросу. **Будя нам канат травить! Холосуй!*** (Малышкин).

Эти употребления основаны непосредственно на номинативном значении термина (радиальная полисемия) и значительно ближе к нему, чем к общеязыковым переносным значениям, так как базируются на основных семах «действовать медленно, постепенно» и «постепенно, небольшими порциями выпускать (снасть)».

Переносное употребление термина «отчаливать» в маринистической прозе близко к общеязыковой метафоре, имеющей в словаре помету «просторечное» (часто при употреблении в форме императива): **Отчаливать. Перен. Прост.** *Отдаляться от кого-либо, переставать с кем-либо общаться. Отчаливай? Убирайся, уходи прочь! Отстань!* – но лишено просторечной стилистической окраски и является разговорным; кроме того, может иметь оттенок «уходить со службы, увольняться»:

– *Только отчаливать с флота надо точно в определенный момент* (Конецкий).

Расширение лексической сочетаемости термина «фарватер» (*водный путь для безопасного прохода судов, отмеченный сигнальными знаками*) способствует развитию оттенков переносного значения. Так, в Большом академическом словаре отмечено, наряду с прямым значением, нарушение сочетаемости «фарватер чего?» и дан пример «фарватер жизни» (без толкования значения). Можно предположить, что этот лексикографический источник зафиксировал появление переноса в сочетании с отвлеченными существительными; в более поздние словари вошло новое значение термина:

Фарватер

1) Часть водного пространства, достаточно глубокая для судоходства при всех условиях.

2) перен. Сфера чьего-л. влияния, притяжения, определяющая политический курс какой-либо партии, какого-либо государства [Ожегов, Шведова 1992]

Часть водного пространства, достаточно глубокая для прохода судов и свободная от навигационных опасностей. <...> Плыть или быть в фарватере кого-чего-н., чьей-н. политики (перен.: быть в сфере чьего-н. влияния; книжн.) [Ефремова 2000].

Ср. также:

Сейчас на Западе текут обильные мутные воды литературы о минувшей войне, и течение их порою столь бурно, что они сметают указатели фарватера истины (Пикуль).

Латвия всецело следует в фарватере внешней политики США (из публицистической речи).

В произведениях писателей-маринистов этот термин сочетается с конкретными существительными, вследствие чего возникает зрительный образ (фарватер лестницы – Конецкий); нарушение сочетаемости может также иметь другой характер или отсутствовать (при образных употреблениях). Во всех случаях в основе лежит центральная сема прямого значения – «основное, главное направление»:

Но он из партийного разговора сразу свернул в уставный фарватер (Соболев).

И то основное, что мне известно о тебе, дает право гордиться тобой. Продолжай идти тем же фарватером. Он верен <...> (Чернышев).

Господа, мы, кажется, выходим на фарватер, проложенный нашими

друзьями в Думе (Пикуль).

Переносные значения глагола «лавировать», нашедшие отражения в словарях, не исчерпывают всех возможностей его метафоризации, хотя часть переносных употреблений соответствует общеязыковым. Ср.:

– *А што нам лавировать!.. Шо нам цацкаться...* (Малышкин).

– *Когда ты ведешь корабль в ихерах, ты же не режешь курс напрямую <...>. Ты же хочешь жить... Поэтому и лавируешь между опасностей. Надо лавировать и сейчас, если не хочешь иметь <...> манто в дырках* (Пикуль).

Но, не расспрашивая, взял ее за руку, повел, лавируя в толпе (Н. Кожевникова. Ловушка).

Приведенные примеры иллюстрируют словарные переносные значения «двигаться не прямо, зигзагами, в обход препятствий» и «искусно обходить затруднения, уклоняться от чего-либо». Оказиональная метафора художественного контекста может идти вразрез с общеязыковой, поскольку значение «двигаться, ходить» не включает в качестве основной сему «обходить препятствия»:

– *... А ты сегодня с подругой по парку лавируешь?* (Новиков-Прибой)

Значение старого русского термина *корма* (задняя часть судна, противоположная носу) заимствовано терминосистемами других областей знания – «о задней части самолета, танка». Семантический признак «конец, задняя часть» активизирован также в оказиональных:

<...> *Многие признавались, что значительно легче понять процесс зарядки аккумуляторов, чем разобраться в этих суффиксах, которые <...> надо находить где-то в самой корме слова* (Соболев)

Наиглавнейшее, о чем думаешь, когда <...> по корме звенят ключи мичмана-надзирателя, это простой вопрос: с кем окажешься в камере? (Конецкий).

Овальная корма лицейского здания медленно надвигалась на них (Лавренев).

<Незначительный чин Володи> *обязывал его сесть на конце стола, который моряки называли «баком», в отличие от «кормы», где сидят старшие в чине* (Станюкович).

Переносное употребление, не отмеченное в словаре, имеет также фразеологизм «уходить за корму»:

Пора нервно-диковатого отрочества уходила за корму (Конецкий).

Общеязыковой семантический перенос у термина *буксир* (на буксире; также во фразеологизме «взять на буксир») связан с отвлеченным образом оказания помощи кому-либо, руководства чьими-либо действиями:

В записке, которую он ей написал, было несколько ошибок, и она вбила себе в голову взять его «на буксир» (Руслан Киреев. Продолжение).

Оказиональное употребление, основанное на зрительном образе, семантически ближе к исходному значению (*буксир* – канат или стальной трос, на котором одно судно тянет за собой другое):

Навстречу на буксире у дряхлого осанистого бульдога шел совсем

такой же дряхлый отставной генерал (Колбасьев).

Таким образом, многие переносные употребления морских терминов в художественном контексте, при наличии некоторых общих черт с общеязыковыми узуальными переносными значениями, отличаются от последних либо семой, положенной в основу переноса, либо семантическими оттенками.

Следующая группа морских терминов, функционирующих в художественных произведениях, не имеет отмеченных в словаре общеязыковых переносных значений, однако можно говорить о процессе их зарождения и развития, поскольку переносным употреблениям свойственны повторяемость и регулярность. Это такие термины, как *аврал, ватерлиния, галс, дрейф, кильватер, крен, поворот оверштаг, остойчивость, (при)швартовать(ся), тралить, флагман* и другие.

Швартоваться, пришвартоваться. Закрепиться швартовом; прикрепиться к причальным приспособлениям с помощью швартовов. На семантическом признаке «прочное соединение, прикрепление» основаны следующие переносные употребления:

1. Приблизиться, познакомиться.

Смотрим, – Сerezин, унтер-офицер, к молоденькой чухонке пришвартовался (Соболев).

– Вы мне нужны. Хочу к вам пришвартоваться, держите краба. (Черепанов).

2. Остановиться, закончить какое-либо действие. *Дополз до галереи Гостиного Двора и там пришвартовался (Лавренев).*

И вот швартуюсь к причалу безымянного острова, то есть ставлю точку в рукописи этой книги (Конецкий).

3. Резко приблизиться, столкнуться.

Один раз пришвартовался к столу – раскровянил лоб (Черепанов).

4. Связать себя тесными узами; жениться.

– Женат? – спросил Артенев. – <...> Удачно пришвартовался? (Пикуль).

Пришвартуйтесь друг к другу тесными канатами любви... (Новиков-Прибой).

...Стальными канатами пришвартовало мое сердце... (Новиков-Прибой).

Переносное значение термина *отшвартоваться* антонимично переносному значению «приблизиться» термина *пришвартоваться*:

К такому выводу пришел Фома Фомич, заводя мотор и отшвартовываясь от поребрика (Конецкий).

Ватерлиния. Теоретическая линия, получающаяся от пересечения поверхности судна с горизонтальной плоскостью или уровнем воды. Термин употребляется переносно в значении «горизонтальная граница чего-либо» (оттенки «пояс, поясница» и «подол платья»):

Обратиться за экстренной помощью, когда снадобье потекло ниже ватерлинии, <Анна Савишна> не могла ни к кому (Конецкий).

–... Будь здоров, Серезенька, и бросай свою кельнершу, пока не получил пробоины ниже ватерлинии (Пикуль).

Успеваю заметить дырку на чулке белой значительно выше ватерлинии (Конецкий).

Флагман. Термин имеет устойчивое переносное употребление, прочно вошедшее в общелитературный язык, в особенности в публицистическую речь советского периода (употреблялось как синоним к ударник, передовик, стахановец, маяк (sic!). Значение не отмечено общеязыковыми словарями; в основе переноса лежит сема «начальник, главное лицо» прямого значения «командир крупного соединения военных кораблей»:

Он утверждает, что если б я посмотрел музей Айвазовского в Феодосии, то не катил бы на флагмана маринистов бочку (Конецкий).

Румб. Деление на круге компаса, соответствующее 1/32 части видимого горизонта; направление к точкам горизонта относительно стран света. В переносных употреблениях этого термина реализуются семы «направление» и «деление на круге компаса» (16 румбов = 180°, т.е. поворот кругом – о человеке):

<Коренной>, столкнувшись около Маринино дома с Денисом, буркнул с жалкой улыбкой: «Прости, отец, я опять ошибся румбом» (Дедюхин).

Первый матрос. Братва, <...> поворот оверштаг. Не по тому румбу поплыли... Заблудились... (Лавренев).

Взял фуражку в руки, сделал поворот на шестнадцать румбов и направился к экипажу (Новиков-Прибой).

На плаву (во фразеологизмах удержаться(ся) на плаву, продержаться) на плаву) – переносно в значении «поддержать, оказать помощь»:

Эти тридцать рублей должны были продержать Юрия на плаву до того дня, когда судьба его определится (Соболев)»

– Нам женщин столько положено, сколько отсеков «Тафуину». Если с одной что-нибудь произойдет, ... чтобы другие продержали на плаву (Черепанов).

Док. В условиях художественного контекста может развивать значение «спокойное место, спокойный, безопасный образ жизни», чему способствует традиционное противопоставление моря (как опасной стихии) и береговых и причальных сооружений (к которым относятся доки; ср. с переносным значением термина «причал»).

Неужели в мои-то годы да с моим характером – в сухой док? (Сажин).

– <...> Мадера лучше, – возразил доктор, – <...> ближе к цели.

– То есть ближе к постели. И дельно, брат; пора твоей посудине в док на зимовку (Бестужев-Марлинский).

Поворот оверштаг. Поворот парусного судна против ветра на новый галс, при котором нос судна пересекает линию ветра. В переносном употреблении – «резкая остановка, прекращение каких-либо действий; остановка перед началом движения в противоположном направлении»:

...Замуж попросил <...>. А она: «Брось, говорит, пить, пойду. А не то

поворот «оверштаг»! (Станюкович).

– Я и сам хотел было «Исайя, ликуй!» Но <...> скомандовал себе: «Иван Иваныч! <...> Поворот оверштаг!» (Станюкович).

А на него этот случай так повлиял, что он руля на борт и поворот оверштаг: начисто отрезал... (Соболев).

Первый матрос. Братва... Поворот оверштаг <...>. Заблудились ... (Лавренев).

Тенденция к развитию переносных значений наблюдается также у терминов *найтовить*, *драить*, *спасательный круг* и др.

Наконец, применительно к ряду переносных употреблений можно говорить об индивидуально-авторских метафорах. За основу берутся различные признаки:

а) зрительный образ *форштевень сполоснуть* (умыть лицо – Лавренев); *покрейсировать* (погулять – Новиков-Прибой); *натировать* волосы помадой (намазать; букв, «высмолить» – Бестужев-Марлинский) – или

б) внутренние признаки прямого значения (*женщина адмиральского* (строного, сурового) *нрава* – Конецкий; *женская сигнальная книга* (поведение женщины) – Бестужев-Марлинский; *ругань в двадцать пять оборотов* (сильная ругань) – Новиков-Прибой; *матросский барометр* (настроения матросов) – Марченко) т.д.

Итак, переносные употребления морской лексики в художественных контекстах распадаются на три группы.

1. Устойчивые общеязыковые переносные значения, зафиксированные в словаре и регулярно воспроизводимые в текстах морской и неморской тематики без смысловых приращений и оттенков: *обмелеть*, ураган, шквал. *Обмелеть*. 1. Стать мелководным, несудоходным. 2. Перен. Утратить значительность, измельчать. Ср.: *Я исчерпал материал, обмелел литературно* (Конецкий).

Указанная особенность в значительной мере присуща фразеологизированным терминологическим сочетаниям (*стать на якорь*, *бросить якорь*, *на всех парусах* и т.п.). Обращаясь к отмеченным в словаре общеязыковым переносным значениям, писатели стремятся привнести дополнительные смысловые оттенки, что делает общеязыковую метафору динамичной, демонстрирует процесс развития у морских терминов новых переносных значений.

2. Вторая разновидность переносных употреблений не нашла отражения в словаре в качестве узуальных метафор. Тем не менее, постоянное употребление одних и тех же терминов в одинаковых или сходных переносных значениях позволяет утверждать, что эти переносные употребления значительно ближе к общеязыковым значениям, чем к индивидуально-авторским метафорам: *аврал*, *кильватер*, *флагман*, *крен* и многие другие. Семантический перенос у термина шторм развивается под воздействием переносных и образных значений слов ураган и буря:

Шторм. Ветер, имеющий силу 9 баллов по шкале Бофорта (ураган имеет силу 12 баллов). В художественных контекстах формируется значение

«о чем-то сильном, стремительном, шумном»: *шторм восстания* (Соболев), *шторм гражданской войны* (Соболев), *переход настроения от штиля к шторму* (Станюкович), *в котле шторм* (Сажин), *жизненный шторм*, кораблик детской души попал в жестокий шторм (из газет).

3. Наконец, ряд переносных употреблений морских терминов иллюстрирует возможности и способы индивидуально-авторского использования специальной лексики в художественном произведении.

§ 8. Морская лексика в контексте олицетворения

Морской термин может выступать в составе олицетворения в качестве его объекта. Этот художественный прием известен как «такое изображение неодушевленных или абстрактных предметов, при котором они наделяются свойствами живых существ – даром речи, способностью мыслить и чувствовать». (Словарь литературоведческих терминов). Олицетворениям, включающим морскую лексику, присущ ряд особенностей, связанных как со спецификой этой группы лексики, так и со стилевыми особенностями маринистической прозы.

Ядерные тематические группы морской терминологии не охватывают лексики, традиционно участвующей в контекстах олицетворения, – лексики природы. Антропонимические соответствия встречаем в олицетворениях, близких к общенародным и строящихся на одушевлении понятий *море*, *река*, *ветер* (иначе говоря, компонентов тематической группы «Погодно-географические условия плавания»):

Расплавленное море в упор смотрело в глаза (Паустовский).

Темза – рабочая река ... Хорошая, добрая лошадь Темза. То длинно вздохнет приливом, то тихо выдохнет отливом (Конецкий).

Ветер <...> солеными поцелуями мочалит губы (Новиков-Прибой).

Другая существенная особенность олицетворений заключается в жанровом своеобразии текстов: если в поэтических контекстах олицетворения, как правило, призваны передать эмоциональное состояние лирического героя или отразить его действие [Некрасова 1982: 34-45], то в прозе о море олицетворение связано с описанием предметов и понятий морского дела; олицетворение выступает как метафорическая характеристика. Такая характеристика может быть дана различным типам судов и кораблей; олицетворенный образ указывает на внешность, сходную с внешностью живого существа: *верткие корветы* (Пикуль), *разряженная, будто на бал, яхточка* (Бестужев-Марлинский), *курносый кораблик* (Стрижак), *траулеры худощавые, с нервически подтянутыми боками* (Черепанов); *с годами «Принцесса Адель» начала дурнеть. Зловещие морщины появились на обшивке* (Соболев). Антропоморфизм может быть связан с указанием на черты характера (*обленевевшие корабли* (Малышкин); проявление чувств (*В канале отдыхали корабли. На их рожках буквально написано было наслаждение от короткого безделья* (Конецкий); манеры

поведения (*Шхуна вышла из повиновения и бунтует* (Станюкович), *Казалось, пароходы фотографировались с редким терпением* (Паустовский), *Субмарина мурлыкала дизелями, словно сытая кошка* (Пикуль), – а также физиологических процессов, состояния здоровья: *Катер на стапеле. Флаг-механик у него какой-то бронхит лечит* (Лавренев), *шпангоуты схватили жестокий ревматизм* (Соболев), *заспанные шхуны* (Паустовский), *корабль спал вполглаза* (Соболев) и др. Аналогичный семантический процесс наблюдается в морской терминологии при терминологизации общенародной лексики: так, термины *нос, скула, ноздря* образованы путем метафоризации названий частей человеческого тела.

Характерно уподобление звуков, издаваемых судами (гудков, свистков), звукам, которые издаются живыми существами: *пароход стонал; пароход прокашливался и гудел* (Паустовский), *корабль вскрикнул высоким, жалобным, протяжным криком* (Соболев), *тепло и нежно пробасил пароход* (Паустовский), *гнусяво проблеял ревун* (Пикуль), *грустно и безнадежно мычали суда* (Конецкий), *железными глотками горланят корабли* (Новиков-Прибой).

Олицетворение может иметь развернутый характер; в таких контекстах оно поддерживается рядом образных деталей, указанием на наличие у неодушевленного предмета (судна) многих черт, присущих живым существам:

А вот когда старик «Леваневский» разок лег на левый борт градусов на тридцать пять, когда он задумался в этом положении, решая, стоит ли ему обратно подниматься или спокойнее будет опуститься в мирную и вечную тишину, или лучше просто-напросто стряхнуть со своей шкуры все понтоны, катера и передвижные радиолокационные станции, вот в этот момент я затосковал по соавтору (Конецкий).

Для всех контекстов олицетворения в прозе характерно явное, конкретно-зрительное соотнесение одушевленного и неодушевленного плана без глубокого проникновения в семантическую структуру слова, в отличие от поэтических контекстов, где олицетворение понимается «расширительно: как увеличение меры духовности, присущей денотату» [Григорьев 1973: 116]. Зрительному образу может способствовать введение сравнения или сравнения-приложения:

Пузатые корветы, будто гуси, важно плыли в боевом охранении (Пикуль).

Корабли пожирали топливо с такой быстротой <...>, что становилось страшно за весь тысячелетний рейх. Сейчас они, стоя на рейдах, лишь слегка закусывали, а что будет, когда в море их желудки-котлы разовьют чудовищный <...> аппетит? (Пикуль).

Наконец, в отдельных случаях олицетворение может относиться к компонентам других тематических групп морской лексики:

Готовились развернуться и харкать огнем плутонги (Малышкин).

Полэн (артиллерийский прибор) был в центре общего внимания. Он жрал электроэнергию киловаттами, хрустел шестеренками, пережевывая

данные, и вчасос пил гирокомпасную кровь: компас по гибкому <...> кабелю сообщал ему курс линкора (Соболев).

Грос медленно, словно сытый удав, вползал сквозь клюз на баржу ... (Чернышев).

§ 9. Морская лексика в составе фразеологических оборотов

Фразеологические единицы, включающие морские термины, разнообразны в структурном и семантическом отношении.

Образование фразеологизмов на базе нетерминологических словосочетаний, включающих терминологическую и общезыковую лексику, – явление достаточно редкое. В качестве примера можно привести распространенный среди моряков фразеологизм «деревянный бушлат» (гроб, могила), в котором термин «бушлат» употреблен в переносном значении:

Кадровые оставались служить, как говорят на флоте, до деревянного бушлата (Сажин).

– *Уши вянут слушать ваш разговор, – сказал кок. – С чего это вы в деревянный бушлат собрались?* (Конецкий).

<...> *Я на тему морского джентльменства в «Моряк Балтики» такую заметочку засажу, что вы ее до самого деревянного бушлата на ночь читать будете* (Конецкий).

Появление этого фразеологического оборота на базе метафорического словосочетания придает ему образность, двуплановость и выводимость его семантики из семантики отдельных компонентов – обязательные свойства фразеологического единства.

Значительно более распространенным является употребление терминологических словосочетаний в переносном значении. Указанный процесс протекает широко и активно, с вхождением большей части этих фразеологических единиц в общенародный язык. Путем метафорического переосмысления составных терминов возникли такие фразеологизмы, как *полный ход, бросить якорь, под всеми парусами, так держать, вывести на чистую воду, отдать концы, сесть на мель* и т.д. В художественной речи фиксируются более ранние стадии возникновения переносных значений, как, например, у терминологического словосочетания прийти (войти, привести) в меридиан (о компасе):

Несмотря на свои огромные преимущества перед магнитными компасами, гирокомпас системы Сперри требует не менее трех часов, чтобы «прийти в меридиан», то есть уставиться на север осью вращающегося в нем ротора (Соболев).

Переносное значение этого составного термина – «прийти в нормальное положение, успокоиться»:

– *Попадется вам на переаттестации старый морячина <...>, он вас*

быстро приведет в меридиан (Князев).

Меркулов постепенно вошел в меридиан, потому что и застолье образовалось, и ему наконец позволили закурить трубку (Романов).

– *От души советую, Тимофеич. Если хочешь, чтобы на пароходе все в меридиан вошло, соберись с силами...* (Конецкий).

Терминологический антоним «выйти (выпасть) из меридиана» тоже может метафоризоваться:

Ритм военной жизни много значит, и, когда выбываешь из него, чувствуешь себя как-то неуверенно. Моряки говорят: «Тут я выпал из меридиана <...>» (Сажин).

Составной термин «вывести на чистую воду» имеет в общенародном языке устоявшиеся значения «разоблачать – о темных делах, махинациях или лицах, причастных к ним; уличать в чем-либо». Возникновение этой фразеологической единицы связано с рыболовецкой терминологией: «Первоначально: выводить на чистую воду рыбу». Омонимичный фразеологизм, не вошедший в общелитературный язык, появился в результате метафорического переноса значения морского термина «выводить на чистую воду судно» (ср.: *Крейсер выводился на чистую воду медленно* – Марченко; *Буксир направили <...> вывести какое-то судно из гавани на чистую воду* – Чернышев); он может иметь также значение «выбраться на свободное пространство»:

– *Смотрите, как досталось этой молоденькой леди, – откликнулся Уилл, – эти жеребцы сыграют его партию в футбол, если не помочь ей выбраться на чистую воду* (Кнехт).

При семантической близости терминов «вывести на чистую воду рыбу» и «вывести на чистую воду судно» в результате метафоризации формируются фразеологические единицы, в значениях которых не ощущается тесной связи. Это объясняется тем, что в основу переносов положены разные семантические признаки: в первом случае сема 'сделать видимым', во втором – сема 'выйти в открытое пространство'.

Поскольку к фразеологизованным терминам относятся командные слова, их метафорическое переосмысление осознается как употребление фразеологических единиц (фразеологических единств) (ср.: *так держать! полный ход!*):

Лена. <...> «Команде – руки мыть!» В душ. Потом я. (Штейн).

– *Ясно, – сказал Ямкин. – Теперь ложись на грунт и прекрати шум в отсеках* (Конецкий).

То и дело в лесу раздавалась странная команда: «Флагманский катер к трапу!» Савин подавал «катер», то есть розвальни (Соболев).

Зуб. <...> В Москву какой-то бдительный человек успел доложить, что вы <...> покрыли преступление старшего лейтенанта.

Платонов. <...> Сигнал фальшивый, тревога ложная, играйте отбой (Штейн).

Наиболее распространенной формой введения специальной лексики в состав общезыковых фразеологических оборотов является модификация

последних, чаще всего **замена лексического компонента** в общеязыковой фразеологической единице на морской термин, близкий по значению или сходный по какому-либо семантическому признаку. Цель подобных преобразований, как и всех внутренних преобразований фразеологизмов, состоит в изменении стилистической окраски фразеологизма и придании ему большей экспрессивности и образности. Кроме того, замена компонентов осуществляется для речевой характеристики персонажей-моряков, для создания профессионального колорита. Например: *пробьют урочные склянки* (Марченко; ср. урочный час), *сбить с фарватера, сбить с курса* (Сажин; ср. сбить с толку), *парус за парусом* (Паустовский; ср. друг за другом), *плевать с фок-мачты* (Пикуль; ср. плевать с высокой колокольни), *будто южаком сдуло* (Конецкий; ср. будто ветром сдуло), *выбить к военно-морской матери* (Стрижак; ср. выбить к чертовой матери), *беречь пуще кроют-камеры* (Лавренев; ср. беречь пуще глаза), *залить за гюйс* (Лавренев; ср. залить за воротник), *покрыть лямбдой-аиш* (Соболев; ср. покрыть руганью), *направить нос* (Черепанов; ср. направить стопы), *за пять миль чуют* (Соболев; ср. за версту чуют), *прижать к переборке* (Черепанов; ср. прижать к стенке), *начать службу с кия* (Марченко; ср. начать с нуля), *вверх килем перевернуться* (Конецкий; ср. вверх ногами, вверх тормашками), *сойти с экватора* (Станюкович; ср. сойти с мертвой точки).

Наша страна <...> вверх килем не перевернется (Конецкий).

– <...> *А у меня запас одних долгов.*

– *Вольно ж тебе испанского гранда разыгрывать. Цветы, конфеты <...>. Так, брат, не сойти тебе с экватора* (Станюкович).

Наиболее часто замена компонентов происходит во фразеологизмах, созданных по модели «от ... до...»; этот фразеологический оборот употребляется с переменными компонентами также в общелитературном языке.

<Лезвин> знал хорошо <...> все судно – от кия и до клотика (Новиков-Прибой).

Глухов поставил перед собой задачу – знать катер от кия до клотика (Сажин).

Мать ревела два дня и две ночи, стихи вслух перечитывала. Помню от кия до клотика (Конецкий),

<...> Он переписал от кия до клотика служебную инструкцию (Конецкий).

Нет, теперь надо обмыть линкор, всю махину его – от клотика до ватерлинии (Пикуль).

– *Пускай бы вы спросили у Ильи Петровича, <...> где крепится последний гитов <...>. Он рассказал бы это, как «Отче наш», от коуша до бензеля* (Бестужев-Марлинский).

Замена компонента в общеязыковом фразеологизме может вызвать **оживление его исходного значения** с дальнейшим расширением контекста, изменением сочетаемости и т.п.:

В отчаянии выбирались задним ходом из предательской <...> щели,

<...> и однажды обломали себе на этом правый винт (Соболев; ср. обломать себе зубы на чем-либо).

Преобразования фразеологизма могут идти по линии **замены** имеющегося в нем морского термина на другой термин, близкий по семантике, результатом чего становится оживление стёртой образности, возвращение фразеологическим единицам их первоначального «морского» значения:

Я продрог до костей. Чуть было швартовы не отдал (Марысаев; ср. отдать концы).

Куклин. <...> *Осталась дальневосточной вдовой. Вчера был у нее <...>. Виду не кажется, но фактически села на банку* (Штейн; ср. сесть на мель).

Распространенный прием семантического преобразования фразеологизмов – **совмещение общезыкового и терминологического значения**, семантическая параллель термин – общезыковой омоним (пароним):

Севастопольские женщины <...> заявили:

– *Ничего, Василий Петрович! <...> Во время обороны, под бомбежками, слабину не выбирали, а теперь и подавно* (Сажин).

«Выбирать слабину» – «не тянуть снасть, а лишь подтянуть ее провисание». В переносном употреблении «проявлять трусость». Такое значение развивается под влиянием семантики слова «слабость», соотносительного по корневой морфеме с термином «слабина».

Семантическое преобразование (оживление) фразеологизма «высунуть нос» осуществляется за счет совмещения двух значений слова «нос».

Люди, по-видимому, не думали здесь о войне, и чувствовали ее только по скоплению паромов, которые боялись высунуть нос в океан (Кнехт).

Известное переносное значение морского термина «стать на <мертвый> якорь», ставшее общезыковым («остановиться где-либо»), возникло на основе семантического признака «удержать на месте» в структуре терминологического словосочетания:

Случается нередко, что он <...> становится на мертвый якорь в ближайшем полицейском участке (Куприн. Киевские типы).

Другое переносное употребление термина «стать на мертвый якорь» – умереть – основано на имплицитной семе ‘остановиться надолго, навечно’ (мертвые якоря – металлические или железобетонные конструкции большого веса, служащие для удержания на месте швартовых бочек, плавучих маяков, буюв, бакенов и проч.). Семантический перенос усилен благодаря совмещению двух значений слова «мертвый» – общезыкового и терминологического.

Стал на свой мертвый якорь наш вечный старпом (Конецкий).

Замена компонентов может сочетаться с **контаминацией** фразеологических единиц. Так, в примере *бить по сему поводу голыми руками в броняшку не собираюсь* (Соболев) соединены элементы таких фразеологических единиц, как «биться головой об стенку», «<брат> голыми

руками» и «ломиться в открытую дверь» (*броняшка* – бронированная дверь), с заменой слова-компонента общезыкового фразеологизма на термин (точнее, профессионализм *броняшка*).

Во фразеологизме «свихнуться с курса» (Лавренев) наблюдается слияние терминологического и общезыкового фразеологизмов (*сойти с ума* и *сойти с курса*), первый из которых имеет лексический синоним «свихнуться», замещающий глагольный компонент в составном термине.

Замена компонента может сопровождаться такими стилистическим приёмом, как каламбурное столкновение омонимов, оживление исходного значения фразеологизма, и т.п.

Чужое превосходство он способен долго переносить и терпеть с приятной даже миной на лице, но и с миной за пазухой, ожидая чужого промаха (Конечкий).

В приведенном примере игра слов основана на столкновении омонимов «мина» – выражение лица и «мина» – снаряд. Термин замещает лексический компонент во фразеологической единице «держат камень за пазухой». Оба фразеологизма – *делать хорошую мину при плохой игре* и *держат камень за пазухой* – употреблены эллиптически.

В некоторых случаях в состав фразеологического оборота вводятся дополнительные уточняющие компоненты, что также «расщепление» фразеологизмов, оживление исходного значения.

И темнить (старший механик) умеет замечательно <...>: такую спецмеханическую лашу нам вешает на уши, что хоть затыкай их пробками от мерительных трубок (Конечкий).

Я никогда не мог даже подумать, что Кронштадт, не сходя с места, станет на такую коварную мель (Марченко).

В первом из приведенных примеров происходит расщепление общезыковых фразеологических единиц путем введения в их состав морской лексики, во втором – фразеологизм морского происхождения «расщеплен» введением дополнительного лексического компонента, что вызывает оживление его исходного значения.

Отмечен случай преобразования иноязычного фразеологизма «все руки на палубу!» (англ. *all hands on deck!*), эквивалента русского «свистать всех наверх!». Переосмысление фразеологической единицы заключено в ближайшем контексте и выражается в оживлении её исходного значения:

Голоса вахтенных прокричали: «Все руки на палубу!»

На самом деле понадобились не «руки» для работы, а глотки, чтобы кричать «ура» кораблю, уходящему в море (Кнехт).

§ 10. Способы введения терминов в контекст

Термины, как и другие социально и территориально ограниченные пласты лексики (диалектизмы, жаргонизмы), требуют большого мастерства при введении их в художественный контекст. Введение термина в

художественное произведение – своеобразный стилистический прием, опирающийся на противопоставление общелитературной и профессиональной лексики. Писатель сталкивается с тем, что многие термины непонятны читателям; для этого в тексте требуются дополнительные пояснения. Если автор использует малопонятные термины без пояснения, то они звучат «впустую» [Ларин 1974: 237], не выполняют эстетической и информативной функции (за исключением тех случаев, когда на непонимании термина строится стилистический эффект).

Необходимость толкования морских терминов объясняется рядом причин. Толкованию подвергаются не только малопонятные, узкоспециальные, иноязычные слова, но и термины русского происхождения, имеющие терминологизованное значение, отличное от общеязыкового. Эта особенность всех терминосистем, включая морскую, делает необходимым толкование таких слов, как *склянка*, *выстрел*, *ревизор* (Станюкович), *«летучий голландец»*, *толкач* (Конецкий), *малый сбор* (Соболев), *конец*, *канат*, *переборка* (Гончаров), *судовая роль* (Черепанов), *серьга*, *беседка* (Марченко) и другие:

Вы не совсем доверяйте, когда услышите от моряка слово «канат». Канат – это цепь, на которую можно привязать полдюжины слонов – не сорвутся <>. Вот когда скажут «пеньковый канат», так это в самом деле канат (Гончаров).

Норвежское рыболовецкое судно было покинуто командой <...> и превратилось в «Летучего голландца» (так называют на официальном морском языке брошенные экипажем суда) (Конецкий).

Существенные трудности возникают при введении в художественный контекст иноязычных терминов, что создает предпосылки для их объяснения. Наличие большого количества заимствований – отличительная черта морской терминологии, поэтому необходимость толкования (семантизации) морских слов возникает очень часто. Рассмотрим основные способы включения терминов в контекст художественного произведения.

Чрезвычайно распространено толкование терминов в сносках, хотя этот способ введения терминов в контекст является далеко не самым удачным, нарушающим целостность художественного текста: «это – невыгодный, неловкий способ обогащения литературного языка, он заимствован из научной практики, но редко бывает уместен в беллетристике» [Ларин 1974: 234].

Сноска, в которых толкуются значения терминов, разнообразны. Некоторые из них содержат краткие разъяснения для читателя (*Дот – действующий отряд* – Соболев; *Брю – канат, охватывающий орудие* – Станюкович), а другие представляют собой развернутые толкования энциклопедического характера, где не только излагается суть понятия, выражаемого термином, но и сообщаются дополнительные сведения, дается этимологическая справка и т.п.:

Стопора

Сноска: *снасти, коими канат прикрепляется к кольцам (рымам),*

вбитым в тумбу. Стопор происходит от английского глагола to stop – останавливать. (Бестужев-Марлинский).

Дель

Сноска: сетное полотно, из которого шьют невода, тралы. Термин этот для рыбаков так обыденен, что они людей, не понимающих его значения, принимают за шутников и отказываются верить, что его нет в толковых словарях и энциклопедиях (Дедюхин).

Более удачным представляется другой способ введения терминологии в контекст: соотнесение термина со словом (словосочетанием), близким по значению, в тексте повествования. По мнению Б.А.Ларина, подмена термина синонимом невозможна, «описание станет неточным <...>. Термины подменить нельзя, наши слова выражают другие понятия» [Ларин 1974: 232]. Тем не менее, в некоторых случаях морские термины имеют довольно близкие синонимы, отличающиеся функционально-стилистической окраской:

Колокол пробил шесть склянок (одиннадцать часов) (Станюкович).

Два матросских кока (повара) в четвертом часу затопили камбуз (кухню) (Станюкович).

Как правило, термин соотносится не с точным синонимом, а с компонентами одного семантического поля. Указание на связь значения термина со значением общеизвестного слова проясняет смысл употребленного термина.

Грунтов и тали, то есть веревки, ее (шлюпку) держащие, были обрезаны (Бестужев-Марлинский).

Фома Фомич выхаживал якорь вымбовками, то есть вручную (Конецкий).

Только в эти окна, или порты, по-морскому, и не достигала вода (Гончаров).

Этот способ введения специальной лексики в контекст – наиболее распространенный, аналогичным образом (соотнесение с полным наименованием) вводятся многие краткие варианты терминов (аббревиатуры):

К борту крейсера подошел морской буксир – МБ с продуктами (Марченко).

Может быть, вы забыли, что такое КТЦ? Поясню: дивизион катерных тральщиков (Сажин).

Значение термина может быть семантизировано с использованием образных средств; целостность художественного контекста сохраняется, и употребление малопонятного термина становится своеобразным стилистическим приемом. При объяснении термина писатели обращаются к прямому цитированию научных, научно-популярных и т.п. текстов, сопоставлению с бытовыми предметами и явлениями (остраненное восприятие понятия, выражаемого термином), смысловому параллелизму, образным языковым средствам (сравнениям, переносным и образным употреблением) и т.п.

Компас сначала разочаровал. Он был больше похож на часы, вделанные в стену (Соболев).

Койки стоят на верхнем деке, свернутые в тугие коконы <> .

Стоят рядами, как шпульки в ткацких челнах <> . Койки ждут или разбора ко сну, или гибели корабля (каждый такой кокон держит матроса на воде двадцать минут) (Пикуль).

Знаете ли вы, что такое грот-мачта и что влечет за собой ее падение? Грот-мачта – это бревно, фут во сто длины и до 800 пудов весом <>. Представьте себе, что какая-нибудь башня, у подножия которой вы живете, грозит рухнуть; положим, вы даже знаете, в какую сторону она упадет, вы, конечно, уйдете за версту, а здесь, на корабле!.. (Гончаров).

Наиболее часто для объяснения значения термина используется олицетворение. При помощи олицетворений толкуются значения терминов, обозначающих типы судов, их маневры; специальных слов, называющих приборы, которые находятся в движении (по аналогии с повадками живых существ), и т.д.

«Бисмарк» в содружестве с крейсером «Принц Эйген» должен был стать могучим рейдером в океане. Иначе говоря – разбойником-одиночкой! (Пикуль).

Шлюпку взяли на бакштов, то есть она держится за поданный с фрегата канат, как дитя за платье няньки (Гончаров).

Киль-блоки – это стальные подставки <...>; на них, как в кресло, садится поднятый краном из воды баркас (Соболев).

Наше судно называется трамповым. «Трамп» по-английски – «бродяга». Бродяга редко знает, где будет ночевать завтра (Конецкий).

По разложенным на столе картам ползал хитрый механический жук – одограф (Пикуль).

При толковании отдельных терминов у разных авторов могут возникать сходные ассоциации (жук-одограф ползал – Пикуль; ползал одограф – Соболев; мина-соцветье – Пикуль; мина-плод – Малышкин и т.д.), служащие убедительной демонстрацией образно-выразительных возможностей лексики ограниченного употребления. Ср. семантизацию термина «траление» у разных авторов:

Однажды в день метельщики-тральщики проверяют и размечают начисто эти дороги, куда вражеская подводная лодка <...> может поставить такой же многопудовый плод на зыбком стебле (мину – Н.О.).

Это – к о н т р о л ь н о е т р а л е н и е (Малышкин).

Как трудолюбивые крестьяне выходят утром в поле с косой за плечами, чтобы косить травы, – так же и тральщики прилежно убирают «урожаи» мин, созревающих на морской целине. Их минные «жатки» тралов подсекают ножами стальные стебли минрепов, на которых колыхнутся в глубине сочные гремучие соцветия – мины! (Пикуль)

В толковании термина могут быть использованы диалогические параллели, когда значение выясняется в диалоге собеседников из разной профессиональной среды (обращение к персонажу или читателю-неморяку),

в которых приводятся бытовые синонимы терминологических наименований или происходит объяснение специальных понятий на бытовом уровне.

– *Баста, мать. Надоело на перегонах <...> .*

– *А что такое перегон?*

– *<...> Перегон – это чаще всего караванное плавание. Катится по морю гоп-компания из разных судов. Единственная задача – пройти из пункта А в пункт Б. Как в четвертом классе. Ни груза в трюмах, ни других каких задач (Конецкий).*

«Зойка, – перешел на скоропись Венка, – все, заканчиваю <...>, у меня на носу подвахта. А, ты ж не знаешь, что это такое. Все равно что у вас там, в грибном Подмоскovie, поездка в село, когда нехватка рабочих рук...» (Черепанов).

Мы уже снялись с якоря, но не совсем удачно. Начались шквалы; шквалы – это, когда вы сидите на даче, ничего не подозревая, с открытыми окнами, вдруг на балкон ваши налетит вихрь, врывается с пылью в окна, валит горшки с цветами, хлопает ставнями, когда бросаются, по обыкновению поздно, затворять окна, убирать цветы, а между тем дождь уже успел хлынуть на мебель, на паркет. Теперь это повторяется здесь каждые полчаса (Гончаров).

Толкование профессионализмов и профессиональных жаргонизмов не имеет принципиальных отличий: для их семантизации обычно используется соотнесение с общезыковыми и терминологическими синонимами:

В ближайшем будущем все старые корабли пойдут на переплав, или на иголки, как у нас говорят (Марысаев).

Образные средства для толкования разговорной морской лексики используются редко, поскольку профессионализмы, как правило, сами по себе обладают особой образностью и выразительностью:

<Фома Фомич> вовсе успокоился (на морском языке «вошел в меридиан») (Конецкий).

Кочегары по распоряжению «деда» – механика – оставили <бомбу> остудиться на палубе (Капица).

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что при всем многообразии способов и приемов введения терминов в художественный контекст писатель не ставит задачи раскрыть значение термина с энциклопедической полнотой (за исключением отдельных толкований в сносках и в словариках). Толкования терминов призваны высветить тот круг семантических признаков, который существен для решения художественных задач, то минимальное представление о предмете профессиональной деятельности, которое необходимо читателю.

Способы семантизации терминов могут быть ярким стилистическим приемом, поэтому большую ценность представляют рекомендации Б.А. Ларина: «В одних случаях доходчиво и приведения подлинного диалектного материала¹, когда он сам по себе прозрачен или искусно

¹Диалектизмами автор называет не только лексику народных говоров, но и аргю, и

обрамлен контекстом. В других случаях необходима гибридизация. В-третьих, надо дать аранжировку, переписать на литературный язык, сохранив только семантическую идиому, только смысловое ядро» [Ларин 1974: 261].

§ 11. Жанровые и индивидуально-авторские особенности употребления специальной лексики в художественном тексте

Выше были рассмотрены основные способы включения морской лексики в художественный контекст. Специфика функционирования терминов в языке разных авторов может быть выявлена с помощью различных методов стилистического анализа, в том числе количественных.

Важность количественного и статистического изучения языка отмечалась в свое время многими учеными (А.М.Пешковским, В.А.Богородицким, М.Н.Петерсоном, В.В.Виноградовым). Статистические методы нашли в лингвистике широкое применение, в частности, при изучении функциональных и индивидуально-авторских стилей.

Анализируя прозу писателей разных периодов (К.М.Станюковича, А.С.Новикова-Прибоя, В.Конецкого), мы извлекали из многоплановых путевых заметок В.Конецкого контексты, связанные с морской тематикой, поскольку для использования термина за пределами научной речи наиболее важной является тематическая мотивировка. Кроме того, рассмотрение специальной лексики в маринистических контекстах дает возможность сопоставления с текстами, принадлежащими к научному стилю.

Анализировался материал общим объемом 22500 слов (по 15 500-словных выборок из произведений каждого автора). При подсчете были учтены простые и составные морские термины и разговорная морская лексика (профессионализмы). В сопоставительных целях были сделаны также выборки из текстов научного стиля (Морская практика. Ч. 1-2. М.: Воениздат, 1958).

Использовалась методика вычисления по формулам, предложенная Б.Н. Головным [Головин 1970].

Всего в выборках из художественного стиля на 22500 слов морские термины и профессионализмы были употреблены 1421 раз, а средняя выборочная частота их употребления составила 38 у Станюковича, 33 у Новикова-Прибоя, 31 у Конецкого. Среднее квадратическое отклонение составило 12 у Станюковича, 10,3 у Новикова-Прибоя, 10,5 у Конецкого. С целью экстраполяции полученных числовых результатов на весь объем произведений, из которых были сделаны выборки, была учтена вероятная ошибка в определении средней частоты. Эта ошибка составила 6,56 (Станюкович), 5,70 (Новиков-Прибой) и 5,80 (Конецкий),

Сказанное означает, что количество употреблений морских терминов в анализируемых произведениях будет колебаться в определенных пределах,

для установления которых нами были применены специальные формулы (результаты даются с точностью 92%).

Эти пределы в разных текстах составили:

Автор	К.Станюкович	А.Новиков-Прибой	В.Конецкий	Научный стиль
min	19,44	17,0	20,0	68,0
max	57,0	50,0	44,0	120,0

В среднем в корпусе текстов К.М.Станюковича наблюдается количественное преобладание морской лексики по сравнению с текстами двух других авторов. Особенно велика верхняя (максимальная) граница числа специальной лексики на единицу текста. Эта особенность объясняется стоявшими перед писателями художественными задачами: Станюкович стремился дать подробную картину морской жизни для широких читательских кругов. В наименьших пределах колеблется количество терминов в романах В. Конецкого: как было указано, наименьшей была у этого автора и средняя выборочная частота употреблений морской лексики на 500 слов. Можно сказать, что употребление специальной лексики в морской прозе В. Конецкого является более *равномерным*, поскольку нижняя (минимальная) граница количества терминов почти одинакова с количеством терминов у Станюковича, а верхняя граница значительно ниже. В рассказах Станюковича есть отрывки, «перенасыщенные» морской лексикой. Средняя выборочная частота употребления терминов А.С.Новиковым-Прибоем меньше, чем у Станюковича, и несколько больше, чем у Конецкого. Из таблицы 2 видно, что эта особенность связана с небольшим минимальным числом терминов на единицу текста и довольно высоким максимальным пределом их количественного использования. Количество специальных терминов и профессионализмов по отношению к другим словам в текстах с маринистической тематикой колеблется у разных авторов от 3,8% до 11,4%. Однако при индивидуально-стилистических отличиях указанные пределы характеризуют литературно-художественный стиль в целом, отличающийся внутренним единством.

Общеизвестно, что научный стиль отличается высокой терминологичностью. Это подтверждается сделанными подсчетами. Морская тематика требует употребления в художественном тексте определенного количества терминов (в зависимости от индивидуально-авторского стиля), которое, в соответствии с проведенным количественным анализом, даже в максимальных своих пределах не достигает минимального предела количества терминов в текстах научной функционально-стилевой принадлежности.

На частоту употребления отдельных терминов в выборках влияет тематика произведения; это касается в первую очередь наименований чинов и должностей. Так, термин *адмирал*, встретившийся 30 раз, лишь 1 раз был

употреблен в выборках из текстов А.С.Новикова-Прибоя и 29 раз – в выборках из рассказов К.М. Станюковича; слово *капитан* 28 раз употреблено в выборках В.Конецким, 26 раз – К.М.Станюковичем и 1 – А.С.Новиковым-Прибоем, что связано с тематикой отдельных произведений и творчества писателя в целом. Кроме того, высокая частота употребления термина в неспециальном (художественном) контексте – один из показателей освоенности термина общелитературным языком [Орлова 1984].

Употребление тех или иных терминов обусловлено не только тематически, но может быть связано с историческим периодом в развитии флота. Поэтому максимальное количество терминов парусного флота и названий устаревших должностей встречается в выборках из произведений К.М.Станюковича (*марсель* – 6 раз; *фок, фор-марс, грот-руслень, фор-стенъги-стак-сель; фор-марсовый* – 2 раза и т.д.), а современный термин *моторист* употреблен дважды только в выборках из произведений В.Конецкого.

Таким образом, количественный и статистический анализ морской терминологии в художественных текстах дает основание утверждать, что использование лексики ограниченного употребления в количественном отношении зависит от индивидуально-авторского стиля и от тематики произведения. У разных авторов различна как средняя выборочная частота употребления морских слов, так и пределов, в которых колеблется их количество на единицу текста. При этом литературно-художественный стиль сохраняет свое внутреннее единство, и число словоупотреблений морской лексики в художественных произведениях остается резко отличным от числа словоупотреблений терминов в научном стиле.

При изучении языка художественных произведений количественный анализ необходимо сочетать с традиционным качественным анализом стиля писателя, тех эстетических функций, которые выполняет та или иная группа лексики, а также с элементами историко-литературного анализа.

В проявлении индивидуально-авторской специфики употребления морской терминологии в художественном контексте значительное место принадлежит жанровым особенностям произведения. Так, использование морской лексики в поэтических текстах не зависит напрямую от тематики: поэты, не ставящие перед собой задачи изображения моря и морской среды, активно употребляют морскую лексику с иными целями; в этом состоит существенное отличие поэзии от прозы, где морская терминология включается преимущественно в контексты маринистического характера. С указанной особенностью связана такая черта поэзии, как употребление общепонятных, а не узкоспециальных терминов: в поэтическом произведении нет места для их семантизации. Узкоспециальная терминология используется обычно в прозаических контекстах, тематически связанных с описанием профессиональной среды.

В поэзии употребляются термины определенных тематических групп (названия судов: *корабль, пароход, бриг, корвет, баржа, лодка*; названия частей судна и оснастки: *мачта, рея, борт, трюм, парус*; лексика,

характеризующая погодно-географические условия плавания: *шторм, штиль, ветер, залив, мыс, море* и некоторые другие). Компоненты многих тематических групп, функционирующие в прозе, нехарактерны для языка поэзии (например, группы наименований судовой документации, чинов и должностей на флоте и других).

У терминов, включенных в поэтический текст, может быть отмечена грамматическая специфика, а именно преимущественное использование однословных терминов (в то время как составные терминологические наименования – неотъемлемая часть современных терминосистем и важнейший компонент маринистической прозы).

Итак, сравнительно небольшая группа терминов несет в поэтических произведениях значительную художественную нагрузку.

Отличительной чертой поэзии является образная реализация значений терминов. Если сравнения и переносные употребления принципиально не отличаются от семантических преобразований морской лексики в прозаическом произведении, то функции устойчивых сочетаний в поэзии имеют существенные отличия. В прозе эти функции сводятся к созданию речевой характеристики персонажей, а в авторской речи маринистическая фразеология встречается редко. Образная насыщенность поэзии создает условия для многообразного использования фразеологических единиц, ее трансформации и семантического обогащения. В примере из поэмы Андрея Вознесенского «Авось!» нарушение сочетаемости внутри фразеологической единицы способствует обновлению, персонификации образа паруса, который вырастает до символа эпохи завоевателей и авантюристов, жизнь которых бурна и динамична, хотя во многом ограничена:

*Пусть пусто у паруса за душою,
но пусто в сто лошадиных сил!*

Трансформация терминологического словосочетания «открытое море» осуществляется благодаря смысловому взаимодействию с морской лексикой ближайшего контекста. В результате возникают словосочетания *открытое небо* (Кирсанов), *открытое время* (Антокольский) и под. Морская терминология, окружающая эти словосочетания, оживляет исходную форму в преобразованных фразеологизмах, а они, в свою очередь, поддерживают метафорическое употребление морской лексики:

*Срываются все очертанья с причала,
В открытое время выходит поэт.*

Выразительна контаминация фразеологизмов (П. Антокольский):

*Пусть великий или Тихий океан,
Полубелый, получерный, в доску пьян,
Рыжий Каин, грешен, бешен, окаян,
За рога возьмет быка на бордаж <...>.*

В приведенном примере, кроме контаминации, осуществленной на фоне развернутого олицетворения, тесно переплетены значения свободного словосочетания «взять быка за рога» и фразеологического значения омонимичного фразеологизма. Ср. примеры аналогичного переплетения двух

значений (*дно* – морское дно во фразеологизме *идти (пойти) ко дну* и *дно* – предел, крайняя степень падения):

*Милый моряк, нагуляешься – свистни.
В сладком плену или идя ко дну,
Сколько угодно шути своей жизнью!
Не погуби только нашу – одну* (Вознесенский).

*Я шел ко дну.
Дошел до дна,
Пошел ко дну -
И не страшна
Мне никакая
Глубина* (Мартынов).

Стихотворение Л.Мартынова целиком построено на развертывании фразеологизма «идти (пойти) ко дну». Окказиональный фразеологизм «дойти до дна» создан по аналогии с устойчивым сочетанием «дойти до крайней степени чего-либо» (в данном случае – падения) и семантически близок к нему.

Значения многих морских терминов в современном русском языке имеют традиционные приращения смысла, глубокую и устойчивую образность, становятся общенародными символами. Слово *парус* (укрепленное на мачте полотнище парусины или другой ткани, надуваемое ветром и приводящее судно в движение) приобретает, как уже говорилось, семантические оттенки в метафорических употреблениях, в сравнениях и т.п. В поэзии этот термин приобрел значение романтического символа свободы («Парус» М.Ю.Лермонтова), который строится не на конкретно-зрительном представлении о парусе; он имеет глубокий философский смысл.

Таким образом, морская лексика используется в поэтических произведениях широко и разнообразно, выполняя различные стилистические функции. При анализе индивидуально-авторской специфики чрезвычайно важным является тот факт, что ее употребление в поэтических контекстах имеет существенные отличия от использования морской лексики в прозаических жанрах.

Очевидно, что употребление морской лексики в драматургических произведениях сходно с ее функционированием в языке прозы. Так, при анализе языка пьес А.Штейна «Океан» и «Ночью без звезд» выявлено лишь одно существенное отличие, связанное как с индивидуально-авторскими особенностями, так и с жанром произведений. Эта особенность заключается в нехарактерности толкования терминов в речи персонажей. Динамичность действия, небольшой объем пьесы (по сравнению, например, с морским романом) заставляют автора идти по пути сокращения количества узкоспециальных терминов. Всего в указанных пьесах употреблено около 300 терминов, из них лишь термины *траверз*, *ратьер* (в ремарке), *тумблер*, *форштевень* и отчасти термин *кильватерная колонна* можно отнести к

узкоспециальным, поскольку слова *ратьер* и *тумблер* отсутствуют в общезыковых словарях, а последний из перечисленных имеет помету, указывающую на специальный характер.

Выявление специфики употребления специальной лексики с помощью качественных методов позволяет сделать вывод о том, что разные авторы могут тяготеть преимущественно к тому или иному способу включения терминологии в художественную ткань повествования. Так, для авторской манеры А.С.Новикова-Прибоя характерным является употребление ее в составе сравнений, для идиостиля К.М.Станюковича – номинативное употребление с познавательной целью (описание картины морской жизни для широких читательских кругов); номинативные употребления морской лексики в произведениях К.Паустовского призваны создать атмосферу романтической приподнятости. Такие авторы, как И.А.Гончаров и В.Конецкий, в соответствии со своей индивидуально-авторской манерой часто используют термины для создания юмористического эффекта и т.д. Большим разнообразием в зависимости от идиостиля писателя отличаются способы семантизации специальной лексики. Например, для К.М.Станюковича основной способ введения терминов в контекст – толкование их в скобках и пространные примечания; для И.А.Гончарова характерны диалогические параллели.

Можно сказать, что использование морской лексики может быть одним из параметров характеристики индивидуально-авторского стиля. Для анализа способов использования терминологии разными авторами применяются различные методы, в том числе количественные. При традиционном, качественном анализе представляется возможным охарактеризовать все рассмотренные способы образной реализации семантики морской лексики применительно к индивидуально-авторскому стилю. В целом использование морской лексики писателем зависит как от идиостиля, так и от жанрово-тематических особенностей, времени написания произведения, от авторских установок.

§ 12. Выводы и перспективы исследования

Обозначим основные направления, по которым идет исследование лексики ограниченного употребления в художественной речи:

- Выявление арсенала средств специальной (морской) лексики, которым пользуются писатели-маринисты для решения художественных задач.
- Установление стилистических функций указанных лексических средств в языке художественных прозы и поэзии.

Кроме того, для достижения наиболее корректных и достоверных результатов может быть привлечена генетическая характеристика терминосистемы и рассмотрены вопросы взаимодействия разных лексических пластов.

В результате проделанной работы и обобщения ее результатов

подведем следующие итоги.

1. Морской лексикон в художественном тексте представлен всеми знаменательными частями речи: именами существительными (*аврал, боцман, броненосец, вест, капитан, катер, леер, марс, рубка* и др.), прилагательными (*мелководный, остойчивый, парусный*), глаголами (*бункероваться, крейсировать, крениться, лавировать, найтовить, швартоваться*), наречиями (*в полугрузу, мористо, на плаву*), – а также междометиями (*вира, майна, полундра*). В морскую терминосистему входят как однословные, так и составные наименования и командные слова: *линейный ледакол, средний рыболовный траулер, румпельное отделение, якорный канат, штормовые паруса, капитан первого ранга, сесть на банку, сняться со швартовых, лечь на курс..* Составным терминам во многих случаях соответствуют их краткие варианты (*старший механик – стармех, подводная лодка – подлодка*).

2. В области морской терминологии представлены такие явления, как полисемия, омонимия, синонимия, антонимия. Развитие антонимии и контрастности – наиболее важные, органически присущие морской терминологии семантические процессы, поскольку противопоставленные понятия способствуют ее гибкости и адекватному функционированию (ср. *корма – нос, берег – море, пришвартоваться – отшвартоваться, идти под парусами – идти под парами, мористее – бережнее, заштурмить – заштилеть, норд – зюйд, штиль -шторм* и т.д.). Антонимия проявляется не на фоне всей морской терминологии, а в пределах микросистем (тематических групп) внутри нее.

В силу специфики исторического развития морской терминологии на ряде территорий существенным семантическим явлением остается синонимия (в виде синонимии местного и общеупотребительного, старого и нового термина: *трамонтана – норд, матка – компас, банок – фарватер*). Синонимические ряды могут включать термины, отличающиеся генетически (*шлюпочная палуба – ботдек, настил - пайол, брекватер – волнолом*), а также термины и профессионализмы (*капитан – мастер, старший механик – дед, старший помощник – чиф, судно – коробка, встречный ветер – мордотык*).

Хотя многозначность и омонимия не способствуют точному и безошибочному функционированию морских терминов, эти явления наличествуют в морской терминологии как проявление общих законов развития лексики. Полисемия может развиваться у отвлеченных отглагольных существительных (*ход – скорость и ход – процесс, нахождения судна в море*), у некоторых других терминов (*склянка – песочные часы и склянка – получасовой промежуток времени*). Омонимы образуются как в результате расхождения значений многозначных слов, так и путем столкновения в терминологии различных по происхождению терминов (*риф – отмель и риф – ряд продетых сквозь парус завязок*).

3. Распределение морской терминологии, включенной в художественное повествование, по тематическим группам позволяет широко привлекать экстралингвистические факты и одновременно выявлять её языковую специфику. Основанием для проведенной классификации

послужили внеязыковые признаки морских наименований, актуальные для читателя и дополненные языковыми фактами, поэтому классификация в целом имеет не энциклопедический, а лингвистический характер. Так, группу наименований действий, процессов, трудовых операций формируют преимущественно глаголы, отглагольные существительные, глагольные словосочетания (*задраить, швартоваться, штивать; задрайка, швартовка, штивка; отдать швартовы, развести пары* и т.д.); группа «Основные характеристики судна» состоит из существительных с абстрактной семантикой (*автономность, водоизмещение, маневренность, непотопляемость, остойчивость*). Тематическая группа, объединяющая наименования чинов и должностей на флоте, в силу своего ярко выраженного антропоцентрического характера и активного функционирования ее компонентов в устной речи, включает наибольшее число профессионализмов (морского жаргона, аргю): *старпом, стармех; дед, мастер, чиф, секонд, дракон, салага, марсофлот, духи, ледобой* и т.д. Профессионализмы – лексические и словообразовательные – содержатся также в составе других тематических групп: *капуста* (галун), *капка* (капковый жилет); *самовар, малютка, парамон, коробка, шип* (судно), *соловей* (звуковой сигнал к раздаче водки в дореволюционном флоте), *собака, собачья вахта* (ночная вахта). Обычно профессионализмы не находят отражения в общеязыковых и морских словарях и фиксируются в языке художественных произведений. Между отдельными группами терминологической лексики существует взаимодействие, семантические, словообразовательные, генетические и т.п. связи и корреляции. Так, группа «Наименования действий, процессов, трудовых операций» тесно связана с группами «Навигационно-измерительная лексика» (*сбавить ход, менять курс, лечь на левый галс*) и «Наименования оборудования, снастей, приборов» (*завести концы, стоять на швартовых, стать на якорь, поднять паруса*), а также с некоторыми другими тематическими группами. Компоненты ряда групп осуществляют связь с терминосистемами других областей знания (с военной, рыболовецкой, географической, физической, метеорологической терминологией), а также с общенародной лексикой.

4. При анализе специальной лексики в писательском словаре важное место занимает её генетическая характеристика. Для стилистики художественной речи наиболее существенными представляется разграничение двух групп терминов: а) термины иноязычного происхождения; и б) термины русского происхождения. Ядро морской терминологии составляют заимствования из ряда языков, в первую очередь, из голландского и немецкого. Следы более раннего морского подязыка Петровской эпохи сохранились в виде субстрата на территории Азовско-Черноморского бассейна и нашли отражение в художественной речи (*трмонтана, трамонтана* – норд; *прова* – нос судна). Итальянский термин *пайол (паёл)* – также компонент старшей системы морской терминологии Петровской эпохи – получил закрепление в общепринятой морской терминологии.

С самых ранних этапов сложения морской терминосистемы заимствованные термины прочно заняли в ней свое место, и борьба с заимствованиями не была активной даже в эпоху господства пуристических тенденций. Например, А.С.Шишков при составлении морских словарей не предпринимал попыток замены иноязычных терминов русскими, в своем художественном творчестве стремился лишь к их объяснению, поскольку осознавал непонятность морских заимствованных терминов для большинства читателей, однако не отказывался от употребления иноязычной морской лексики. Реальная возможность замены многих заимствованных терминов русскими существовала в первой половине XIX века, когда шел сбор материалов для нового морского словаря, включающего, кроме общепринятой, старинную и местную лексику. Однако А.П.Соколову и его единомышленникам не удалось осуществить обновление морского лексикона на русской основе. В послепетровскую эпоху лишь небольшая часть иностранных терминов уступила место исконно русским (так, *антретно* было заменено термином *приблизенно, на глаз*). Своеобразный иноязычный облик морского словаря во многом определил пути дальнейшего развития морской лексики и особенности ее стилистического использования.

Поэтому мы можем говорить о понятности/непонятности термина как особой стилистической категории. Малоизвестные термины, имеющие значительно меньше возможностей для образной реализации значений, чем термины общепонятные, выполняют иные художественные функции.

Русскими по происхождению являются такие термины, как *корма, мель, отмель, причал, пристань, сходни, течение* и ряд других терминов, возникших путем семантического переосмысления общенародных слов. Термины *судно (корабль), обшивка, палуба* с самого начала сложения морской терминологии на базе голландского языка употреблялись вместо заимствованных терминов *ихип, стрек* и *дек* (последнее слово в дальнейшем активизировало словообразовательные возможности в качестве терминоэлемента).

История русских слов *маяк, палуба, пристань* представляет собой процесс терминологизации; в ряде случаев наблюдается метафорический или метонимический перенос наименований общенародных слов с последующей терминологизацией переносных значений: *выстрел, душегубка, дуб, беседка, конец, кошка, нос, рубашка, склянки, скула, стенка* и другие.

Многие термины возникают на базе собственно морфологического словообразования. Будучи частью общенародного языка, терминология активно использует в качестве источников своего пополнения общеязыковые модели и словообразовательные аффиксы. В терминологическом словообразовании широко применяются цифры, символы и т.п. элементы: *держать на SSW, NO*; более свободно комбинируются русские, заимствованные и интернациональные словообразовательные элементы (*безрангоутный, микрометр-глубомер, микроэхолот, авиамаяк*). В словосложении проявляется характерная для современного русского языка

тенденция к аналитизму. Сложные слова образуются с помощью интерфиксов и путем соположения слов (*паротеплоход, пароходофрегат; стпель-блок, траулер-катамаран*). Термины с элементом -воз, обозначающие сухопутные средства передвижения (*паровоз, тепловоз*), и термины с этим суффиксоидом, служащие для называния разновидностей (*лесовоз, контейнеровоз*), образованы по разным моделям, и словообразовательные части их имеют разную семантическую связь: в морской терминологии связь является объектной или косвенно-объектной, а в железнодорожной терминологии это причинная связь. При образовании наименований судов и кораблей может иметь место также повторное словопроизводство, то есть образование термина от той же основы и при помощи того же словообразовательного аффикса, что и ранее существовавшее общенародное слово (*истребитель*). Для морской терминологии характерным словообразовательным процессом является также калькирование – как семантическое (*узел, мостик*), так и словообразовательное (*волнолом*). В частности, активизация терминологического элемента (префиксоида) полу- (нем. halb-, голл. halv-) происходит в результате образования калек с голландского и немецкого языков: *полубимс* (нем. Halbbalken), *полумачта* (нем. Halbmast), *полуволна* (нем. Halbwell), *полветра* (голл. halvwind).

Профессионализмы образуются преимущественно на базе русского языка: наличие заимствований компенсируется появлением в речи их русских синонимов: *мидель-шпангоут – лодырь-шпангоут*.

Появление профессионализмов связано также со стремлением к экспрессивности в устной речи (*неваляшка, бандура, коробка, малютка, купец, грязнуха – суда; рогаль – штурвальный, гробики – ограждения на койке, салага, дед, духи, дракон, маслопузики, морячила – наименования лиц*). Созданию профессионализмов-кратких вариантов терминов способствует тенденция к упрощению составных терминов и созданию сложносокращенных наименований: *капитан первого ранга – каперанг; старший лейтенант, капитан-лейтенант – старлей, каплей*.

5. Наряду с процессами терминологизации общенародной лексики в области морской терминологии активно протекают процессы детерминологизации. Для характеристики степени освоенности терминов нами можно выдвинуть ряд критериев:

а) наличие или отсутствие термина в общеязыковых словарях. Отсутствие в неспециальных словарях ряда терминов свидетельствует об их узкоспециальном назначении и малоупотребительности в общелитературном языке, хотя не исключает возможности включения их в художественные контексты (*мидель, жвакагалс, люверсы, ревант, ахтерштевень*);

б) наличие или отсутствие помет, указывающих на специальное назначение, у слов, вошедших в общеязыковые словари. Такие пометы имеют термины *бак, бизань, бимс, борт, боцман, бриг, лисель, риф*.

Низкой степенью освоенности могут обладать также отдельные термины, включенные в общеязыковые словари без пометы «специальное»

или «морское» (стимер, кингстон);

в) частота употребления терминов в нетерминологических, в частности, художественных контекстах. Подсчет частоты употребления терминов в выборках позволил сделать вывод о том, что часто употребляющиеся термины в подавляющем большинстве не имеют в словарях пометы «специальное» и в наибольшей степени освоены языком.

В целом частота употребления в неспециальных контекстах наиболее высока у слов, освоенных общелитературным языком, и самая низкая у узкоспециальных терминов;

г) включение иноязычных терминов в словообразовательную систему русского языка, использование русских словообразовательных средств при образовании новых слов (терминов) от терминов иноязычного происхождения. Активно реализуются возможности системы русского языка в глагольном словообразовании. Так, заимствованные глаголы с суффиксами -ова(-ва-), -ирова- (*брасовать, швартовать, дрейфовать, штилевать, фрахтовать*) служат производящей базой для приставочных образований и отглагольных существительных. В результате повышается частота употребления заимствованной основы в специальных и в неспециальных контекстах, в разговорной речи, что также служит предпосылкой для семантического освоения терминов;

д) развитие у термина общезыковых значений и включение этих значений в словари общелитературного языка. При исследовании языка художественных произведений выявляются ранние стадии формирования таких значений (например, у терминов *аврал, кильватер*).

Наличие у термина одного-двух перечисленных признаков не является безусловным свидетельством его детерминологизации. Большая степень освоенности специального слова характеризуется комплексом этих признаков, а о полной освоенности можно говорить тогда, когда у него развиваются переносные значения в общенародном языке.

6. Стилистические функции, выполняемые морской лексикой в художественной речи, имеют как сходства, так и отличия от функций других лексических разрядов. Отмечается ряд образно-изобразительных черт, присущих морской терминологии.

Так, номинативное употребление термина, осуществляемое с целью создания колорита профессиональной среды, влечет за собой обращение к следующим приемам:

1). Стилистический клэш, столкновение термина и его общезыкового синонима (*трап-лестница, порог-комингс, километр, метр-миля, кабельтов, пол-палуба, скамейка-банка* и др.).

2). Семантико-стилистическое противопоставление морской и общенародной лексики как романтической и обыденной, производственно-технической, безэмоциональной и имеющей эмоционально-экспрессивную окраску; как книжной и сниженной.

3). Использование в окружающем микроконтексте семантически «смежной» лексики, например, слов с эмоционально-оценочным или

аксиологическим компонентом, лексики абстрактной, возвышенной и архаичной. В этих случаях как специальная, так и общенародная лексика получает семантические коннотации.

Сравнения, семантическим центром которых является морской термин, обычно строятся на логической основе, по типичным моделям общеязыковых сравнений. Наиболее часто центром сравнения становятся наименования судов и кораблей (или их частей), наименования оборудования, снастей, приборов, наименования лиц и их действий.

В караулке Кириллыча было чисто и опрятно, как в корабельной каюте (Станюкович).

Мне скучно без дела: я – как баржа на приколе (Сажин).

Жена ведет дом, как хороший штурман (Сажин).

Идет, словно капитанская гичка плывет (Новиков-Прибой).

Вокруг корабля, как адмирал, принимающий парад, делал на барказе круги мичман Крутов (Марченко).

Появление сходных сравнений в языке разных авторов способствует закреплению смысловых ассоциаций и развитию на этой основе переносных значений (типичным является уподобление качающегося предмета судну, испытывающему качку, поведения (внешности) какого-либо лица поведению (внешности) другого лица морской профессии и др.). Процесс вовлечения в состав сравнений определенной группы терминов захватывает разные в жанровом отношении тексты и литературный язык в целом.

Среди переносных употреблений специальной лексики можно выделить группы по степени индивидуальности метафоры.

1). Устойчивые общеязыковые переносные значения, зафиксированные в словаре. Значительная часть таких метафор употребляется в текстах любой тематики без индивидуально-авторских смысловых приращений и оттенков (*обмелеть, шквал, ураган*). В составе художественного контекста у этих терминов могут развиваться новые смысловые оттенки и новые значения. Таковы термины *борт, буксир, корма, курс, причал, отчаливать, лавировать, травить, фарватер* и др.

2. Одинаковые или сходные переносные употребления, обнаруживающие свойство регулярно повторяться в текстах разных авторов. Хотя лексикографические источники не отражают новых переносных значений, наблюдается явная тенденция к их развитию: *швартоваться, ватерлиния, флагман, румб, на плаву, док, оверштаг, спасательный круг, драить, найтовить* и др.

3. Индивидуально-авторские метафоры, возникающие по тому же принципу, что и перенос значений у других групп лексики, т.е. за счет отвлечения одного из признаков прямого значения от остальных его признаков и создания новых контекстных связей.

Баба Маня была женщина строгая и крутого, этакое адмиральского нрава (Конецкий).

Я худо знаю женскую сигнальную книгу, но за взор, брошенный княгинею, я бы готов был вынести тысячу обид ... (Бестужев-Марлинский).

В ряде случаев морская лексика включается в контексты олицетворения, которое в художественной прозе о море выступает как метафорическая характеристика предметно-понятийной сферы морского дела, в первую очередь судов и кораблей. Такая характеристика дается на основе конкретно-зрительного соотнесения одушевленного и неодушевленного предмета.

Этому курносому кораблику при крещении не досталось имени (Стрижак).

Посреди <...> серебристой глади угрюмо взирал на мир линкор «Октябрьская революция» (Марченко).

Железными глотками горланят корабли (Новиков-Прибой).

Появление фразеологизмов, включающих морскую лексику, идет по двум направлениям:

– употребление терминологических словосочетаний в переносных значениях (*сесть на мель, бросить якорь, отдать концы*);

– преобразование общенародных фразеологических единиц путем замены в них какого-либо слова на морской термин (*залить за гюйс, урочные склянки*).

Возможны и иные способы преобразования фразеологических единиц с помощью специальной лексики – как путем внутренних преобразований устойчивых словосочетаний, так и за счет окружающего контекста: *Я никогда не мог подумать, что Кронштадт, не сходя с места, станет на такую коварную мель* (Марченко). В результате изменяется стилистическая окраска ФЕ, фразеологизм становится более выразительным, служит для речевой характеристики персонажей.

7. Семантика малоизвестных и иноязычных терминов, включенных в состав художественного контекста, раскрывается в толкованиях (семантизации). Введение термина в контекст художественного произведения может быть своеобразным стилистическим приемом. Так, для толкования терминов часто используется прием олицетворения:

Шхуну взяли на бакштов, то есть она держится за поданный с фрегата канат, как дитя за платье няньки (Гончаров).

Наше судно называется «трамповым». Трамп – по-английски бродяга. Бродяга редко знает, где будет ночевать завтра (Конецкий).

8. Своеобразие использования морской лексики в художественной речи – один из важнейших параметров характеристики индивидуально-авторского стиля писателей-маринистов. Для анализа авторского идиостиля с точки зрения употребления морской лексики используются как традиционные (качественные), так и количественные методы. Так, количество терминов и профессионализмов по отношению к другим словам в текстах с маринистической тематикой колеблется у разных авторов от 3,8% до 11,4%. В морских рассказах К. Станюковича наблюдается количественное преобладание морской лексики по сравнению с текстами А. Новикова-Прибоя и В. Конецкого. Особенно велика верхняя (максимальная) граница количества специальных слов на единицу текста. В наименьших пределах

колеблется количество терминов в произведениях Конецкого. Употребление специальной лексики этим автором является более равномерным: нижняя (минимальная) граница количества терминов почти одинакова с количеством терминов у Станюковича, а верхняя – значительно ниже. Средняя выборочная частота употребления терминов Новиковым-Прибоем меньше, чем у Станюковича, и несколько больше, чем у Конецкого, что связано с небольшим минимальным числом терминов на единицу текста и довольно высоким максимальным пределом их количественного использования.

Сочетание количественных методов анализа морской лексики с качественными, а также историко-литературный подход и учет жанровой специфики текста дает большие возможности для изучения авторского идиостиля и лексикографической работы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Словари

Андрющенко Н.С. Толковый морской словарь. Основные термины: более 6000 слов и словосочетаний. М.: АСТ, 2006.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Сов. энциклопедия, 1966. .

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. М.: Рус. язык, 1978-1980.

Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.: Дрофа, 2000.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.

Орфографический морской словарь / Сост. Р.Э. Порецкая. М.: Воениздат, 1974.

Словарь автобиографической трилогии М.Горького: в 6-ти вып. с прил. словаря имен собственных. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. Вып. 1.

Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974.

Словарь современного русского литературного языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965. Т. 1/17.

Соколов А.П. Собрание местных, старинных и малоизвестных морских слов / А.П. Соколов // Морской сборник. 1854. – т. XI. № 1. С. 87-92.

Соколов А.П. Старинные русские и иностранные морские слова / А.П. Соколов. Зап. Гидрограф. деп., 1850. ч. VIII. с. 577-592.

Солнышкина М.И. Словарь морского языка / М. И. Солнышкина. М.: Academia, 2005.

Сулержицкие М.Н. и Д.Л. Краткий морской словарь для юношества / М.Н. и Д.Л. Сулержицкие; под ред. контр-адмирала Н.Г. Морозовского. М.: Транспорт, 1966.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Сов. энциклопедия, 1967.

Шишков А.С. Морской словарь, содержащий объяснение всех названий, употребляемых в морском искусстве / А.С. Шишков. СПб., 1832-1840.

Научная литература

Баранникова Л.И. Виды специальной лексики и их экстралингвистическая обусловленность / Л.И. Баранникова, С.А. Массина // Язык и общество. Вып. 9. Саратов, 1993. С. 3-15.

Бахмутова Н.И. О возможностях методов структурной семантики в исследовании тропов / Н.И. Бахмутова // Словоупотребление и стиль М.Горького. Саратов: Изд-во СГУ, 1982. С. 112-118.

Бельчиков Ю.А. Интернациональная терминология в русском языке / Ю.А. Бельчиков. М.: Учпедгиз, 1959. 78 с.

Берковская Ф.М. Лексико-изобразительные средства романа А.С.Новикова-Прибоя «Цусима»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1963. 24 с.

Богородский Б.Л. Старшая система морской терминологии в эпоху Петра I / Б.Л. Богородский. Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, 1948. Т.59. С. 15-50.

Богородский Б.Л. Выступление на терминологическом совещании 1967 г. / Б.Л. Богородский // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 185-187.

Бондаренко И.А. Морская фразеология в языке художественной литературы / И.А. Бондаренко // Балт. филол. курьер. Калининград, 2003. № 2. С. 93-99.

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С.Валгина. М.: Логос, 2001. 304 с.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 255 с.

Головин Б.Н. Язык и статистика / Б.Н.Головин. М.: Просвещение, 1970. 190 с.

Григорьев В.П. Поэт и слово: опыт словаря / В.П. Григорьев. М.: Наука, 1973. 455 с.

Гринштейн А.С. Функционирование терминов в художественном тексте/ А.С. Гринштейн // Семантические и прагматические аспекты коммуникации. – Самара, 1993. С.91-95.

Захарова М.В. Языковые взгляды А.С.Шишкова и их отражение в его лексикографической практике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 24 с.

Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. М.: Наука, 1977. 212 с.

Кожин А.Н. Военные термины в художественной речи / А.Н. Кожин // Русская речь. 1972. № 1. С. 28-32.

Козловская О. Г. Когнитивные и структурно-семантические особенности морской терминологии: На материале английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 22 с.

Ларин Б.А. Диалектизмы в языке советских писателей / Б.А. Ларин // Эстетика слова и язык писателя: избр. статьи. Л.: Худож. лит-ра, 1974. С. 228-262.

Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии / Д.С. Лотте. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 158 с.

Моисеев А.И. Наименование лиц по профессии в современном русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1968. 27 с.

Некрасова Е.А. Олицетворение как элемент художественного идиостиля (фрагменты сопоставительного анализа) / Е.А. Некрасова // Стилистика художественной литературы. М.: Наука, 1982. С. 34-45.

Орлова Н.М. Функционирование морской лексики в тексте художественной литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

16 с.

Орлова Н.М. Термины и профессионализмы / Н.М Орлова // Лингвистические проблемы формирования и развития отраслевых терминосистем. Саратов, 1999. С.67-71.

Орлова Н.М. Специальная лексика в художественной речи: тематическая таксономия Ученые записки Педагогического института СГУ. Новая серия. Вып. 7. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. С. 133-149.

Орлова Н.М. Лексические особенности детской маринистики / Н.М. Орлова // Материалы XXII Страховских чтений. Саратов: ИЦ «Наука», 2013. С.198-208.

Орлова Н. Устойчивые маринизмы в языке и тексте / С. Семеновская, Н. Орлова // Художественный текст: анализ и интерпретация. LAMBERT Academic Publishing. Saarbrücken, 2014. С. 22-31.

Орлова Н.М. К вопросу о морской метафоре в русском языке / С. Семеновская, Н. Орлова // Художественный текст: анализ и интерпретация. LAMBERT Academic Publishing. Saarbrücken, 2014. С. 31-43.

Реформатский А.А. Что такое термин и терминология / А.А. Реформатский // Вопросы терминологии: (Материалы Всесоюзного терминологического совещания). М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 46-54.

Скворцов Л.И. Профессиональные языки, жаргоны и культура речи / Л.И. Скворцов // Русская речь. 1972. № 1. С. 48-59.

Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-90-е годы XIX века / Ю.С. Сорокин. М.-Л.: 1965. 565 с.

Толикина Е.Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина / Е.Н. Толикина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 53-67.

Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов / Ф.П. Филин // Очерки по истории языкознания. М.: Наука, 1982. С. 227-238.

Чипан И. М. Специальная и терминологическая лексика подъязыка морских специальностей: подводный флот: автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2000. 21 с.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1973. 279 с.